
КЛИНИЧЕСКАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ

КЛИНИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ

Научно-просветительское издание

1 • 2025

Новосибирск

КЛИНИЧЕСКАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ

(КЛИНИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ)

1 • 2025

Научно-просветительское периодическое издание

Журнал «Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология)» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ТУ54-00955 от 01 апреля 2025 г.

Учредитель и издатель: Сальников Олег Олегович

Редакционный совет

Главный редактор

Руденский Е. В. – доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор социальной психологии и клинической социологии, академик АПСН, МАСР, МАСП, МАПН, член-корреспондент МАН ВШ, президент-научный руководитель НИА «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского»

Зам. главного редактора

Клейберг Ю. А. – академик РАЕН, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор

Руденская Ю. Е. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной психологии и виктимологии НГПУ

Ответственный секретарь

Кургузов М. Е. – бакалавр психологии, магистрант 1 курса факультета психологии НГПУ, ответственный секретарь журнала «Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология)»

Редакционная коллегия

Андреев Е. В. – доктор педагогических наук, профессор (Новосибирск);

Руднева Е. Л. – доктор педагогических наук, профессор, академик МАН ВШ (Кемерово);

Пономарёв В. Д. – доктор педагогических наук, профессор (Кемерово);

Чухрова М. Г. – доктор медицинских наук, профессор (Новосибирск);

Илларионов С. В. – магистр психолого-педагогического образования, магистр психологии, технический директор НИА «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского»;

Сальников О. О. – магистр психолого-педагогического образования, исполнительный директор НИА «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского»

ISSN 3033-702X

© Сальников О. О., 2025

© Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология), 2025

© Оформление ФГБОУ ВО «НГПУ», 2025

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией. Ссылки на журнал при цитировании обязательны

Журнал основан в 2025 г.

Выходит 4 раза в год

Электронная верстка – И. С. Заковряшина

Корректор – Д. О. Зверева

Адрес редакции:

630049, г. Новосибирск, ул. М. Перевозчикова, 4-82, т. +7(913)019-60-90

Адрес типографии и издательства:

630126, г. Новосибирск, ул. Виллойская, 28, т. (383)244-06-62

Печать цифровая. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 4,11. Уч.-изд. л. 2,94.

Тираж 100 экз. Заказ № 146.

Формат 70х108/16.

Цена свободная.

Дата выхода в свет 12.12.2025

Отпечатано в Издательстве НГПУ

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДРАМАТИЗМ

Кочерга А. В.

Виктимо-драма генезис идентичности личности с нарушением слуха 6

Кургузов М. Е.

Драма-генезис виктимной идентичности подростка в процессе социогенеза в консциентально-агрессивной культурной среде..... 12

Сальников О. О.

Диагностический инструментарий виктимо-драма-дидактики подростка в концепт-виктим-системе Е. В. Руденского..... 20

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ДРАМАТИЗМ ЛИЧНОСТИ

Карпов А. В.

Гейминг как виктимо-драма-экзистенция подростка нашего времени..... 30

Илларионов С. В.

Запугивание как социально-психологический механизм виктимизации отношения к учебе..... 37

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РУДЕНСКИЙ

Главный редактор журнала «Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология)», клинический социолог, клинический виктимолог, клинический психолог, режиссер-терапевт виктимодрама-социатрии, почетный академик международной академии образования, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор социальной психологии и клинической социологии, действительный член академии педагогических и социальных наук, действительный член международной академии образования, действительный член международной академии социальной работы, действительный член международной академии социального прогнозирования, действительный член международной академии психологических наук, член-корреспондент международной академии наук высшей школы, президент-научный руководитель научно-исследовательской ассоциации «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского», rudenskiy@rambler.ru, Колывань, Новосибирская область, Россия

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК МЕНТАЛЬНЫЙ ТРЕНИНГ ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ КЛИНИЧЕСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ПСИХОЛОГА-ВИКТИМОЛОГА

Журнал «Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология)», учредителем и издателем которого стал магистр психолого-педагогического образования, старший научный сотрудник, исполнительный директор научно-исследовательской ассоциации «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского» О. О. Сальников, является уже третьим журналом, который будет выходить под брендом Лаборатории и базироваться на теоретическом базисе концепт-виктим-системы Е. В. Руденского. Первоначально эти функции выполнял первый журнал – «Социально-педагогическая виктимология детей и подростков», затем эстафету принял учрежденный Н. В. Ведерниковой журнал «Социально-психологическая виктимология». И вот – новый журнал – «Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология)».

Если журнал «Социально-педагогическая виктимология детей и подростков» в основном был ориентирован на объединение всех ученых, которые изучали проблемы виктимизации детей и подростков в основном в семье и школе (доктор педагогических наук, доктор психологических наук, профессор Ю. А. Клейберг, доктор педагогических наук, профессор Е. Л. Руднева, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы России В. З. Коган, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки России Л. Г. Олех и др.), то второй журнал «Социально-психологиче-

ская виктимология личности» отражал самостоятельный научный поиск молодых магистрантов факультета психологии Новосибирского государственного педагогического университета, обучающихся по магистерским программам, написанным Е. В. Руденским («Социально-педагогическая виктимология и психология»; «Социально-психологическая виктимология»; «Драма-терапия виктимности»).

Новый журнал уже своим названием знаменует переход Лаборатории на новое направление исследований и показывает новый уровень развития концепт-виктим-системы Е. В. Руденского – клинико-виктимологического, но в русле социологической социально-психологической теории и психологии в терминах драмы (по Л. С. Выготскому) – виктимодрамы.

Новый журнал призван продемонстрировать новый метод работы – метод научно-исследовательской деятельности как ментального тренинга профессионально-психологического мышления клинического социального психолога-виктимолога. Это означает, что каждый номер журнала, кроме первого (он является своего рода ментальной разминкой авторов и способом научной самопрезентации), будет своего рода ментальным отчетом авторов о выполнении конкретных научно-исследовательских задач по одному из концептов концепт-виктим-системы Е. В. Руденского: анализ концептуализации, способы интерпретации, операционализация и опыт практического приложения.

После каждого выпуска будут проводиться научно-методологические семинары с участием широкого круга ученых и практикующих клинических социальных психологов-виктимологов и представителей смежных профессий. Видеозаписи таких семинаров будут публиковаться в телеграмм-канале Лаборатории, учрежденном магистром психолого-педагогического образования, магистром психологии, старшим научным сотрудником, техническим директором НИА «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского» С. В. Илларионовым.

Таким образом, новый журнал формирует новую систему функционирования научной школы Клинической виктимологии, рожденной в стенах Новосибирского государственного педагогического университета учеными и студентами в процессе активной публичной научной деятельности, результаты которой освещались в публикациях и специально организованных секционных заседаниях Лаборатории на Международных и Всероссийских научных конференциях с международным участием.

Новый журнал – новый метод формирования его содержания и новые имена студентов и молодых ученых.

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДРАМАТИЗМ

Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология). 2025. № 1

Научная статья

УДК 316.6

Виктимо-драма генезис идентичности личности с нарушением слуха

А. В. Кочерга¹

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

Данная работа посвящена проблематике виктимо-драма генезису идентичности людей, имеющих нарушения слуха. Разбирается современное положение общества глухих и слабослышащих людей. Описаны адаптивные компетенции, предотвращающие виктимизацию процесса идентификации, которые приобретают лица с нарушением слуха в процессе интеграции в общество глухих и слабослышащих.

В статье разбираются особенности формирования идентичности глухих и слабослышащих людей с врожденной и приобретенной глухотой, а также описывается процесс социальной реабилитации индивидов, в зависимости от особенностей развития их идентичности. В заключении представлены результаты и анализ эмпирических исследований, посвященных изучению глухой и слышащей идентичности.

Ключевые слова: адаптивные компетенции; глухие; идентичность; инвалидность; реабилитация; слабослышащие; жестовый язык; CODA.

Для цитирования: Кочерга А. В. Виктимо-драма генезис идентичности личности с нарушением слуха // Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология). – 2025. – № 1. – С. 6–11.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что на данный момент проблематика виктимо-драмы процесса идентификации лиц с нарушением слуха является мало изученной, ввиду того, что активное изучение лиц, имеющих нарушения слуха, началось только в конце XX в. Обусловлено это тем, что в течение долгого времени в научной сфере нарушение слуха рассматривалось как одно из множества физических нарушений, приводящих к инвалидизации индивида. Однако на данный момент наблюдается тенденция к более глубокому и детальному восприятию феномена глухоты и тугоухости. Как отмечает Н. В. Большаков, ключевым событием, которое повлияло на пересмотр отношения к вопросу глухоты, стало признание жестового как полноценного языка, и его последующее детальное изучение [5]. Благодаря чему глухота стала представлять собой нечто большее, чем медицинский диагноз или инвалидность, как это было раньше.

Сейчас общество глухих и слабослышащих людей выделяют в отдельную культурную группу, имеющую свой язык, а также свое культурное и историческое наследие. Однако все еще остается открытой проблема обособленности друг от друга мира глухих и слышащих людей, наиболее ярко данная проблема видна на примере детей CODA [10], т. е. слышащих детей глухих родителей. Социализация таких детей проходит сначала в среде глухих, а затем в среде слышащих людей, ввиду чего они усваивают культуру глухих и слышащих в равной мере.

CODA, находясь между миром глухих и слышащих людей, в итоге сталкиваются с предрассудками и стигматизацией с обеих сторон, что свидетельствует об отсутствии кросскультурности, и вынуждает их примкнуть к одному из двух сообществ, не имея при этом нормотипичного развития идентичности, т. к. росли в культуре глухих людей, не имея идентичности глухого человека, ввиду отсутствия у них нарушения слуха [10].

Рассматривая процесс формирования идентичности людей, имеющих нарушения слуха, важно учитывать, присутствует ли у индивида отождествление себя с обществом глухих. Н. В. Михайлова и соавторы [12] утверждают, что членство в культуре глухих определяется опытом глухоты, компетентностью в жестовой речи и идентификацией себя с другими глухими людьми. Из этого следует, что одним из ключевых факторов, влияющих на формирование у индивида идентичности глухого человека, является возраст, в котором возникло нарушение слуха. Так, ранооглохшие и позднооглохшие дети вынуждены посещать специальные учебные учреждения, в которых они обучаются жестовому языку, чтению по губам, а также на протяжении всего обучения взаимодействуют со сверстниками, которые также имеют нарушения слуха.

Таким образом, люди, которые родились с нарушениями слуха, либо потеряли возможность слышать в раннем детском возрасте, с малых лет становятся включенными в общество глухих и слабослышащих людей.

Важно отметить, что изучение жестового языка и освоение навыка чтения по губам являются не просто заменой устной речи, а выступают как адаптивные компетенции, благодаря которым осуществляется социальная реабилитация индивида и интеграция в общество людей с нарушениями слуха через взаимодействие посредством жестового языка. Так, индивид, который с ранних лет жизни включен в общество глухих и слабослышащих людей, приобретает идентичность глухого человека.

В том случае, если индивид оглох в позднем возрасте, когда уже успел овладеть устной речью, то формируется идентичность человека с инвалидностью. Обусловлено это тем, что нарушение слуха для индивида воспринимается им как физический недостаток, на фоне которого, из-за отсутствия адаптивных компетенций, возникает виктимизация процесса идентификации. В результате индивид сталкивается с проблемой, что больше не вхож в общество как нормотипичных людей, ввиду осознания собственной неполноценности, так и в общество глухих и слабослышащих людей, что обусловлено

незнанием жестового языка как одного из ключевых факторов для включенности в общество людей с нарушениями слуха.

Если в случае людей, потерявших слух в раннем возрасте, социальная реабилитация проходила посредством освоения адаптивных компетенций в виде жестового языка и чтения с губ, на основе которых у них в последующем сформировалась идентичность глухого человека, то в случае людей, имеющих идентичность человека с инвалидностью, процесс социальной реабилитации в общество нормотипичных людей осуществлялся посредством хирургического вмешательства, а именно при помощи установки кохлеарного импланта. Кохлеарная имплантация представляет собой комплекс мероприятий, направленных на восстановление слуха посредством внедрения импланта в улитку внутреннего уха и последующего обучения пользованию импланта. В рамках сообщества глухих кохлеарная имплантация не получила большой поддержки, обусловлено это тем, что хоть операция и позволяет восстановить слух, люди, перенесшие операцию, в период реабилитации вынуждены находиться в обществе слышащих людей, в культуру которого они никогда не были включены.

В совместной работе А. С. Бабкиной и Н. В. Большаковой были предоставлены результаты интервью, информантами для которого выступили люди с разной степенью тугоухости, совершившие операцию по кохлеарной имплантации [2]. Всего было опрошено 14 человек. Информанты, которые имели врожденные нарушения слуха или наибольшую продолжительность глухоты, обосновывали решение об операции тем, что хоть и имели опыт взаимодействия с глухим сообществом, ввиду наличия остаточного слуха или умения читать с губ, не видели необходимости в освоении жестового языка.

Таким образом, данная группа информантов не была включена в общество глухих людей и имела идентичность человека с нарушенным слухом, который вхож в общество нормотипичных людей. Ввиду этого глухота и тугоухость для них воспринималась как физический дефект, свидетельствующий об их неполноценности. Вторая группа информантов, обладая остаточным слухом и навыком чтения по губам, освоила жестовый язык, однако рассматривала его как вынужденную необходимость для коммуникации, не принимая при этом ценности и культурные особенности общества глухих и слабослышащих, ввиду чего не были к нему причастны.

Таким образом, основываясь на результатах интервью, можно сделать вывод, что включенность индивида с нарушениями слуха в общество глухих и слабослышащих людей предотвращает возникновение процесса виктимодрамы. В работе А. С. Бабкиной и Н. В. Большаковой можно увидеть, что на данный момент идентичность людей с нарушением слуха не вписывается в бинарную систему идентичности, которая традиционно используется в исследованиях, касающихся вопроса инвалидности, согласно которой человек, имеющий нарушения слуха, имеет либо идентичность инвалида, либо идентичность глухого или слабослышащего [2].

В работе Н. Ф. Михайловой, А. С. Краско, Е. В. Вячеславовой, М. Э. Фаттаховой, М. А. Мироновой, О. А. Красильниковой было проведено исследование, цель которого заключалась в том, чтобы выявить влияние личностных и средовых факторов на формирование идентичности лиц с нарушением слуха [12]. Выборку составили 554 глухих и слабослышащих студента в возрасте от 18 до 45 лет. Испытуемых разделили на две группы, в первую группу вошли студенты, использующие слуховой аппарат, во второй группе были студенты, не имеющие слуховых аппаратов и кохлеарных имплантов.

В качестве методов исследования выступили:

1. Модификация опросника «Самооценка и копинг-стратегии».
2. Опросник «Шкала самооценки».
3. Трирский опросник личности.
4. Опросник «Способы копинга».
5. Модификация опросника «Шкала самостигматизации».

По результатам исследования было выявлено, что степень потери слуха влияет на формирование идентичности. Так, испытуемые, имеющие глубокую и тяжелую степень тугоухости, чаще идентифицировали себя как глухих, отождествляли себя с сообществом глухих, в то время как испытуемые с легкой и умеренной степенью, наоборот, относили себя к обществу слышащих. Оценка способов коммуникации испытуемых показала, что студенты, использующие устную речь, идентифицировали себя как слышащих.

Респонденты, пользующиеся только жестовым языком, имели глухую идентичность, что является подтверждением того факта, что владение жестовым языком является одним из ключевых факторов в формировании идентичности глухого человека. Исследование влияния условий и формы первичного школьного образования показало, что те студенты, которые проходили обучение в школах второго вида, т. е. в специализированных школах для слабослышащих, идентифицировали себя как слышащие, в то время как испытуемые, обучавшиеся в школах-интернатах первого вида, предназначенных для обучения глухих детей, имели глухую идентичность. Это свидетельствует о том, что среда, в которой обучается ребенок, также влияет на формирование у него принадлежности к той или иной культуре, в рамках которой формируется его идентичность слышащего, либо глухого человека.

Также авторами исследования было выявлено, что студенты, идентифицирующие себя с культурой слышащих, имели хорошо сформированную копинг-стратегию «Бикультуральные-навыки», что позволяло им легко находиться в условиях инклюзии, взаимодействовать с обществом слышащих. Для студентов с глухой идентичностью, наоборот, была характерна копинг-стратегия «Уход в мир глухих».

Таким образом, основываясь на результатах исследования Н. Ф. Михайловой и соавторов, можно сделать вывод, что процесс формирования идентичности лиц с нарушениями слуха представляет собой сложный, многофакторный процесс, воздействие на который оказывают как внешние

условия среды, так и внутриличностные особенности индивида, вплоть до способов его коммуникации с окружающими [12].

В продолжение о проблеме виктимо-драмы формирования идентичности можно сказать, что адаптивные компетентности, предотвращающие процесс драматического жизненного переживания у лиц с нарушением слуха, формируются в условиях социальной реабилитации, которая, с одной стороны, осуществляется посредством приобретения навыков и ценностей глухой культуры, а с другой стороны, установки кохлеарного импланта и последующей реабилитации, позволяющей восстановить слух и интегрироваться в общество слышащих людей. Однако можно увидеть, что процесс реабилитации вынуждает индивида с нарушением слуха примкнуть либо к обществу слышащих людей, либо к обществу глухих, не предоставляя при этом возможности инклюзии и бикультуризма, что очень ярко проявляется в феномене детей CODA [10]. Обладание лиц с нарушением слуха адаптивными компетенциями позволяет им избежать процесса виктимизации идентичности и, как следствие, исключает инвалидизированную идентичность, но в то же время не допускает возможность аккультурации ввиду обособленности друг от друга обоих сообществ.

Список источников

1. Адеева Т. Н., Тихонова И. В. Специфика жизненной траектории и показатели субъективного благополучия взрослых людей с нарушениями слуха // Сибирский педагогический журнал. – 2018. – № 5. – С. 95–103.
2. Бабкина А. С., Большакова Н. В. «Мне нравится, когда меня считают ки-боргом»: мотивация кохлеарной имплантации глухих людей во взрослом возрасте // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2022. – № 3. – С. 129–149.
3. Богданова Т. Г. Развитие личности людей с нарушением слуха в контексте эпигенетической теории Э. Эриксона // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2024. – № 211. – С. 212–222.
4. Большаков Н. В. Кохлеарная имплантация: между медиализацией и культурой глухих // Журнал исследований социальной политики. – 2021. – № 19. – С. 744–750.
5. Большаков Н. В. От девиации к идентичности: трансформация научных подходов к пониманию глухоты // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – № 2. – С. 160–174.
6. Жиркова И. Г., Щербакова Н. В. Альтернативная дополнительная коммуникация как основа для развития, реабилитации и обучения людей с нарушениями в развитии (из опыта работы с реабилитантами на базе Реабилитационного центра УСО пни-10) // Проблемы современной науки и образования. – 2014. – № 10. – С. 127–131.
7. Князева А. П., Корнеева Е. Н. Психологическая инвалидизация, или личностная идентичность инвалида // Ярославский педагогический вестник. – 2005. – № 2. – С. 93–99.
8. Кобзева О. В. Феномен идентичности в психологии // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 58. – С. 332–335.

9. Кошелева Е. А. Психологические особенности глухих и слабослышащих людей и их проявления в общении // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – № 3. – С. 672–675.
10. Малофеева М. В., Большаков Н. В. «Я как проводник между мирами»: профессиональный выбор взрослых детей глухих родителей // Журнал исследований социальной политики. – 2024. – № 2. – С. 283–298.
11. Михайлова Н. Ф., Калинина М. И., Вячеславова Е. В. [и др.]. Факторы стигматизации у глухих и слабослышащих студентов, обучающихся в условиях системы среднего профессионального образования / Н. Ф. Михайлова, М. И. Калинина, Е. В. Вячеславова, М. Э. Фаттахова, М. А. Миронова, И. М. Крылов, В. А. Тупикина // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – № 6. – С. 99–120.
12. Михайлова Н. Ф., Краско А. С., Вячеславова Е. В. [и др.]. Влияние средовых и личностных факторов на формирование идентичности у глухих и слабослышащих студентов / Н. Ф. Михайлова, А. С. Краско, Е. В. Вячеславова, М. Э. Фаттахова, М. А. Миронова, О. А. Красильникова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – № 6. – С. 51–70.
13. Морозов С. А. О диагностике лиц с нарушением слуха: взгляд практического психолога // Специальное образование. – 2020. – № 2. – С. 94–101.
14. Ясин М., Комарова А. А. Типы детско-родительских отношений в семьях с глухими родителями и слышащими детьми // Развитие личности. – 2019. – № 3. – С. 103–113.

Информация об авторе

Андрей Викторович Кочерга, студент 4 курса, направление «Специальное (дефектологическое) образование», профиль «Специальная психология», Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск.

Поступила: 28.04.2025

Одобрена после рецензирования: 25.08.2025

Принята к публикации 30.10.2025

Научная статья

УДК 316.6

Драма-генезис виктимной идентичности подростка в процессе социогенеза в консциентально-агрессивной культурной среде

М. Е. Кургузов¹¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

Современная прикладная психологическая наука ставит одной из самых значимых мишеней психологической работы с человеком идентичность личности, которая в социально-психологической виктимологии, а именно, ее разделе – генетической социально-психологической виктимологии личности, является центральной структурой самосознания личности.

Новейший методологический подход в виктимологии «драма-методология виктимности» рассматривает виктимо-драма-генезис личности как системное протекание ряда механизмов культивирования личностных структур в процессе социально-психологического функционирования субъекта. Применение драма-методологии, которая рассматривает социально-психологическое культурное пространство как определяющее развитие личности, наталкивает на необходимость внедрения и рассмотрения консциентальной агрессии как особенности культурной среды нашего времени.

Ключевые слова: виктимность; личность; виктимо-драма развития; влияние; воздействие; консциентальная война.

Для цитирования: Кургузов М. Е. Драма-генезис виктимной идентичности подростка в процессе социогенеза в консциентально-агрессивной культурной среде // Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология). – 2025. – № 1. – С. 12–19.

Проблема идентичности и идентификации серьезно рассматривается в психологии с середины прошлого века и не является чем-то новым. В своей теории социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденский рассматривает идентификацию как социально-психологический процесс культурного социогенеза, обеспечивающий социально-психологическое конструирование самосознания личности как единства трех компонентов: самопознания, самооценки и саморегуляции [6]. Идентификация как процесс культурного социогенеза является механизмом возвращения самосознания и его ядра – идентичности в процессе социальных взаимодействий путем самопознания себя субъектом, придания своему «Я» ценности в процессе самооценки, а также общей саморегуляции как постоянного сознательного контроля своей деятельности. Самосознание рассматривается как осознание субъектом себя отдельным от иных субъектов [2], идентичность рассматривается как центральная структура самосознания, позволяющая субъекту сознавать себя целостным, «отталкиваться от идентичности» при возникновении кризисных ситуаций, требующих обратиться субъекта к себе. Идентичность –

© Кургузов М. Е., 2025

совокупность представлений субъекта о своей принадлежности к той или иной группе [9]. Если самосознание – это весь спектр знания своего «Я» индивидом, то идентичность направлена не столько на самого себя субъектом, сколько на значимую группу лиц и взаимоотношения с ними. Идентичность является характеристикой, качественным показателем социогенеза личности, это фундамент развития самосознания.

Виктимной идентичностью в социально-психологической виктимологии личности является обретенный культурно-психологический дефект в процессе культурного социогенеза, формирующий страдающую от собственных процессов самооценки и самопознания личность, что в виктимологии называется «драмой сознания», бессильную перед собственными представлениями о себе, закрывающуюся от процесса идентификации и постоянно враждебную, агрессивную по отношению к среде. Виктимная идентичность является первоначально децидивной виктимностью, закладываемой значимыми субъектами, которая, в конечном счете, становится ядром виктимопатического функционирования субъекта.

Запускающим процесс идентификации механизмом в культурном социогенезе личности является интеракция – эмоционально насыщенная, значимая совместная деятельность субъекта с агентами социализации. Идентификация впоследствии протекает в любой деятельности субъекта, в которой он опирается на интериоризированные концепты из социокультурного пространства. Любой акт идентификации опирается на уже имеющиеся в концептуальном поле сознания конструкты, которые не берутся из ниоткуда. Именно поэтому особая значимость в развитии виктимной идентичности отдается социально-психологическому пространству.

Идентификация как поэтапное развитие идентичности является эпигенетическим процессом, в котором значимым является своевременность решения определенных задач для формирования тех или иных структур [8]. Драма-генезисом виктимной идентичности является нарушение процесса идентификации на каком-либо из эпигенетических этапов, т. е. нарушение построения идентичности из-за отсутствия этих самых задач и проблем или невозможности решения данных задач. Нарушение идентификации всегда является двухэтапным процессом драма-генезиса виктимной идентичности:

1. Интериоризация деструктивных стигм в виде обесценивающих патологичных социальных конструктов.

2. Деструктивное переживание усвоения социально-ненормативных убеждений личности относительно себя, иначе говоря, драматический процесс разрушения благополучного чувства собственного «Я».

3. Нахождение метода функционирования путем избегания любых идентификационных актов, сконструировав ложную идентичность как ответ на болезненность переживаний относительно подлинного отношения к себе как метода, позволяющего комфортно избежать большого количества адаптивной реконструктивной работы сознания вследствие невозможности протекания данного процесса на текущем уровне развития функционально-компетентностной сферы.

Процесс интериоризации деструктивных убеждений относительно себя возможен при формировании дефицита функционально-компетентной сферы личности, который выражается в обретенных дезадаптивных моделях поведения субъекта в критических ситуациях, требующих от него активизации форм поведения, которые сохраняют в целостности его «Я». Данные дезадаптивные (дисфункциональные) модели поведения рано или поздно приведут к ситуации, где будет драматически вскрыта неготовность индивида к проблемам, которые возникают на его жизненном пути. Поэтому идентификация как культурная модель интрапсихической деятельности – формирование представлений о своей принадлежности к другим, определенного качества и смысла принадлежности, может быть виктимным, т. е. уязвимым к таким критическим ситуациям, где будет происходить определенного рода давление на процесс идентификации.

Нормативно идентификация как совокупность ряда процессов: самосознание, самооценка, ментальная саморегуляция (саморегуляция – система ментальных механизмов функционирования, таких как целеобразование, антиципация, принятие решения, прогнозирование, планирование, программирование, контроль, самоконтроль и др. [3]) приводит к сохранению чувства самоидентичности, целостности понимания себя, формированию любви к себе, принятия себя. Это возможно при благополучно и полноценно протекающем процессе культурного социогенеза личности – при формировании чувства причастности к близкому в процессе совместной деятельности, принятия близким субъекта, полноценному столкновению с бытовыми, социальными и учебными задачами субъектом без гиперопекающего лишения родителем ребенка его функций и иных необходимых детерминант для протекания процесса идентификации, его своевременного включения и благополучного совершения в деятельности.

Чтобы далее рассмотреть один из ключевых факторов деструктивности влияния на идентичность культурой современной реальности, необходимо было рассмотреть феноменологию процесса идентификации и идентичности как центральной структуры самосознания, их значение в развитии личности, а также их зависимость от культурной среды, постановку идентичности как культурогенетического образования, вырастающего в опредмечивании значения своих и чужих действий, значений субъектом.

Понятие консциентальная агрессия исходит от понятия консциентальная война, введенное в 1976 г. Ю. В. Крупновым и Ю. В. Громыко [4]. Консциентальная война – это системное замещение и ликвидация базовых, важнейших культурных ценностей массового сознания того или иного общества. Слово консциентальный образовано от лат. *conscientia* – сознание. Само по себе консциентальное, как что-либо направленное на сознание, изучается со времен Платона и не является чем-то инновационным, более того, любой психологический феномен, или вообще что-либо связанное с человеком, непосредственно является связанным с сознанием, потому как нельзя хоть сколько-нибудь отделить человека от сознания при научном рассмотрении любого человеческого феномена, особенно связанного с деятельностью че-

ловека. Консциентальная война как термин очень схож с термином психологическая война, однако сущность определения консциентальной войны и использования этого понятия в социально-психологической виктимологии личности в направленности данного понятия конкретно на сознание. Консциентальность как свойство личности, субъекта, как владеющего сознанием, является главным аргументом человека при анализе его отличия от любого иного существа, любой человеческий феномен является феноменом сознательной активности, что-то, что синтезируется сознанием, в сознании возникает и через него воплощается в реальности. Идентичность человека, можно сказать, заключена в его сознании, как и вся личностная организация, структура, которую можно звать человеком. Поэтому путь к идентичности человека лежит через его сознание, только через сознание можно повлиять на человека, на общество, психологическое развитие человека – это переход его сознания из одного состояния в другое.

Говоря о том, что сознание едино с деятельностью, в которой оно живет, в которой живет личность человека, консциентальным влиянием, деструктивным или конструктивным, будет любая интервенция в деятельность человека [5]. В нашем же случае в деятельность идентификации.

Так как идентификация сопровождает любую социальную деятельность, в которой субъект реализует себя, свои потребности и нужды, а значит, в любой его деятельности, то в самых простых мелочах, самых обыденных и частых ситуациях можно воздействовать на процесс идентификации, влияя на содержание деятельности: моделировать нужные ситуации, формировать установки на деятельность, обесценивать определенные смыслы, придавать значение нужным смыслам, делать недоступными определенные модели поведения и более легкими и ценными те, которые нужно. Весь процесс социогенеза личности состоит из встречи с определенными смыслами, манипулирования ими и внутренней реконструкции имеющихся, потому термин консциентальная война, описанный ранее, идеально описывает механизм деструктивного воздействия на сознание человека – замена ценностей как системы смыслов, окружающих человека, на те, которые приведут его в дисфункциональное положение, сделают его менее жизнеспособным и, в контексте современной реальности, культивируют потребителя.

Консциентально-агрессивная среда – это социально-психологическое культурное пространство, в котором множество предметов психологической реальности индивида направлены на разрушение его функционирования, в частности ценностной ориентации субъекта, что составляет процесс идентификации – опредмечивание значимых взаимосвязей. Иными словами, консциентально-агрессивная среда – это среда, в которой ведется консциентальная война, направленная на утрату субъектной саморегуляции включенных в нее индивидов. И, к сожалению, под такое определение попадает любая среда, в которой существует вероятность контакта со СМИ, рекламой, уже попавшими под влияние субъектами. Иначе говоря, любой человек столкнется с влиянием на его сознание с целью разрушения его как субъекта – носителя ценностей, собственной идентичности, своей жизнедеятельности.

Говоря о деформации деятельности и контроле предпосылок деятельности, установок к ней, ситуаций, в которые может попасть субъект и совершать в них деятельность, можно выделить несколько современных тенденций, которые можно описать как совершение актов консциентальной агрессии, формирование уязвимости процесса идентификации индивида и иных его процессов развития.

1. Информационное давление, формирующее фрагментарность сознания вследствие постоянной выключенности как избавление от излишества информации. Субъект вынужден рассеивать свое внимание, т. к. полноценное восприятие и интерпретация информации требуют волевых усилий, концентрации и напряжения, вызывают стресс, а огромное количество информации в цифровой среде, постоянно давящее и бросающее вызов восприятию субъекта, не дает концентрироваться на всем и оставаться в благоприятном психологическом состоянии. Человеку попросту не хватает не столько психологических, сколько психических ресурсов, поэтому на уровне психического функционирования сознания активность подавляется ради сохранения целостности психических структур и состояния индивида, рассеивается внимание, что приводит к малой эмоциональной включенности в деятельность и события, диффузному ощущению причастности к деятельности, а значит, и процесс идентификации выключается. Выстроить отношение к чему-то как систему смысловых значений можно только при включенности в деятельность как по выстраиванию, так и в деятельность, в которой осуществляется идентификация.

2. Пропаганда саморазвития, но парадоксальное упрощение реальности. «В слишком легком мире не может быть возвращена сильная личность» [7]. Если предположить, что упрощение бытового функционирования приведет к увеличению количества времени и мотивации на личностное развитие, то, возможно, тенденция и положительная, но теория деятельности опровергает эту догадку, потому что сложность психического функционирования определяется сложностью задач, которые ставит перед собой индивид. Качество деятельности познания напрямую зависит от сложности психического развития, которое, в свою очередь, зависит даже от самых привычных бытовых задач, разрешаемых человеком. Роботы-пылесосы, доставки всего, что нужно, быстрое получение информации в интернете без сложной поисковой функции и испытывания поисковой фрустрации и многие иные технологические прорывы нашего века упрощают бытие каждого, кто пользуется технологиями для удовлетворения своих потребностей. Дело усугубляет то, что теперь перманентное чувство удовольствия от познания, общения, получения и траты денег и ряда многих потребностей, что раньше по отдельности требовали от человека множество усилий по удовлетворению, стали удовлетворяться одним мобильным телефоном. Свободное время можно провести в бесконечном потоке слабоструктурированной и неопредмеченной необходимости информацией, что просто уничтожает все стремления человека, вызывая чувство удовлетворения и интереса. Такое функционирование приводит к конфликту

при синтезе усилия субъектом для иных действий, которые не включают такое легкое использование телефона, такой легкий доступ информации. Во всех СМИ ежедневно говорят о сложной деятельности, о саморазвитии, в то же время, рекламируя социальные сети с «бомбами информационного гедонизма», которые сильно конфликтуют с напряженной, сложной деятельностью, требующей усилия. Говоря о процессе идентификации, при опредмечивании источников удовольствия, при выстраивании понимания необходимости развития («Зачем оно мне?»), данный конфликт может очень патологично отразиться на идентификации ценности развития своих навыков, мотивации их развития, ведь мотивация личности зависит от ее ценностей.

3. Диффузность ценностей культурной среды нашего времени и агрессивное обесценивание любых проявлений личности. Апогеем показательности консциентальной агрессивности культурной среды нашего времени выступает разрозненность убеждений, разность значимых ценностей и постоянное взаимное обесценивание в социально-психологической информационной среде различными индивидами различных смысловых значений. В течение истории развития человечества, большой временной промежуток, субъект фактически не выходил за пределы одной этнической, национальной системы ценностных убеждений. Это давало возможность проходить процессу идентификации наиболее благоприятно, удовлетворяя два важнейших условия для его протекания: стабильность и малая разрозненность убеждений в социально-культурной системе, возможность на большом промежутке развития, а именно, на всех этапах эпигенеза использовать для формирования собственной идентичности ценности и убеждения малого количества социальных групп. Это давало полноценно сформировать принадлежность к определенным взглядам и установкам на жизнь. В наше же время в эпоху глобализации происходит культурная диффузия ценностей. В качестве основной ценности СМИ постоянно выдает финансовое благополучие путем огромного количества публикаций с обсуждением чьего-то финансового состояния, способа заработка, темами для обсуждения являются экономические детали и особенности какого-то феномена, чей-то финансовый успех, или в целом чей-то успех. В информационной среде выкладываются тысячи фотографий, постов, содержащих информацию о том, как люди проводят свой досуг, куда тратят свои финансы и в каком количестве, что при идентификации вызывает постоянный дефицит самооценности, если человек опирается на эти информационные агенты социализации. Огромное количество людей крайне агрессивно себя ведут в социально-психологической цифровой среде, негативно отзываясь об иных от их мнения конструктах, обесценивая все, что не сходится с их мнением ради укрепления своего «Я», доказательства себе «правильности» своих суждений, что уже говорит о дефиците устойчивости ценностно-смысловых структур личности такого человека. Постоянное столкновение с идеальной жизнью другого формирует экзистенциальный запрос «А хорош ли я также? Могу ли я также?». Агрессивное обесценивание как виктимодраматический цикл

защиты от неминуемого давления «идеалистичной» информационной среды, и такая среда поощряется СМИ, которые публикуют особо популярных личностей, все больше развивая их трафик просмотров контента. Идентификация в среде, где размыты базовые ценности, обесценивается твое самоявление и множество идеализированных образов-масок, будет проходить крайне проблематично, или иным языком – заблокируется.

В настоящее время существует множество способов противодействия концентриально-деструктивному воздействию культурной среды, одним из которых является инновационная технология материнской абилитации ребенка, разработанная В. Н. Подосиновым. Это формирование раннего чувства идентичности и общей психологической функциональности ребенка путем материнского терапевтического общения с ребенком, активизируя процессы синхронизации, имеющиеся в памяти внутриутробного развития, ритмических звуковых, составляющих функционирования матери, ее голосовых особенностей, эмоциональных переживаний [1]. В лаборатории социально-психологической виктимологии личности классическим методом выстраивания конструктивных моделей протекания процесса идентификации является драма-социатрия виктимности человека [6].

Подводя итог о влиянии концентриально-агрессивной культуры на процесс идентификации, можно с уверенностью сказать, что развитие сильной, стройной, четко выверенной идентичности не поощряется информационной культурной средой нашего времени, вместо этого человек оказывается в ситуации бессилия определить опору для формирования своего самосознания в бесконечной дыре синтезированных в последние 30 лет культурного развития человечества ценностей, призванных воспитать потребителя, неспособного критично отнестись к постоянному давлению тех или иных способов получения удовольствия путем траты своего финансового состояния. Так или иначе, в настоящее время существует проблема протекания процесса идентификации у субъекта современной культуры, одним из факторов которой является концентриальная агрессия, постоянно оказываемая на индивида и тормозящая его процесс развития, или вообще останавливающая его самопознание с дальнейшим драматическим переживанием собственной неполноценности по отношению к другим субъектам.

Список источников

1. Большунова Н. Я., Подосинов В. Н., Лисиченко О. В. Возможность подготовки матерей к материнской терапии ребенка дошкольного возраста с проблемами в развитии // Психология. Психофизиология. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 87–97.
2. Дьяченко Е. В. Самосознание в профессиональной жизни человека. – Екатеринбург: Изд-во «ИИЦ Знак качества», 2020. – 260 с.
3. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология метакогнитивных процессов личности. – М.: Институт психологии РАН, 2005. – 352 с.
4. Комлева Н. А. Концентриальная война: глобальные тренды глобального противостояния // Пространство и Время. – 2015. – № 3 (21). – С. 15–23.

5. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
6. *Руденский Е. В.* Субъектная виктимность как культурная патология личности: концептуализация проблемного поля клинической социально-психологической виктимологии. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2024. – 136 с.
7. *Тхостов А. Ш., Сурнов К. Г.* Культура и патология: побочные эффекты социализации // Национальный психологический журнал. – 2006. – № 1 (1). – С. 20–27.
8. *Эриксон Э.* Детство и общество. – СПб.: Питер, 2022. – 448 с.
9. *Эриксон Э.* Идентичность и цикл жизни. – СПб.: Питер, 2023. – 208 с.

Информация об авторе

Максим Евгеньевич Кургузов, студент 4 курса, направление «Психология», профиль «Консультативная психология», Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск.

Поступила: 17.04.2025

Одобрена после рецензирования: 15.08.2025

Принята к публикации 30.10.2025

Научная статья

УДК 316.6

Диагностический инструментарий виктимо-драма-дидактики подростка в концепт-виктим-системе

Е. В. Руденского

О. О. Сальников^{1,2}

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

² Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского, Новосибирск

В статье обзорно рассматривается актуальное проблемное поле современных российских подростков, образовавшееся в результате последних социологических, экономических, политических и прочих консциентальных (оказывающих воздействие на сознание) событий на рубеже первой четверти XXI в.

На основе рассматриваемого актуального проблемного поля современных подростков выстраивается соответствующий проблемам и задачам нового времени диагностический инструментарий, служащий концептуально-методическим плацдармом для концептуализации проблемы и выявления терапевтической мишени для организации работы с подростками.

В первую очередь анализируется система организации диагностического инструментария для работы с подростками с применением метода виктимо-драма-дидактики. Отличительной особенностью данного анализа диагностического инструментария является применение инновационной концепт-виктим-системы Е. В. Руденского, являющей собой интегрированную систему виктимологического знания, основанной на теоретической разработке социально-психологической виктимологии личности и клинической социально-психологической виктимологии, подтвержденными совокупно 55-летним опытом доказательной практики.

Демонстрируются возможности применения концепт-виктим-системы Е. В. Руденского как концептуального тезауруса и, одновременно с этим, методического тезауруса для описания и дальнейшей интерпретации шкал представленных диагностических методик, сфер и способов их применения. Описывается возможность экстраполяции излагаемых идей на иные конфигурации батарей диагностических методик.

Ключевые слова: виктимность; виктимо-драма-дидактика; виктимо-драма-социатрия; клиническая социально-психологическая виктимология; концепт-виктим-система Е. В. Руденского.

Для цитирования: Сальников О. О. Диагностический инструментарий виктимо-драма-дидактики подростка в концепт-виктим-системе Е. В. Руденского // Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология). – 2025. – № 1. – С. 20–29.

Современные условия существования человека предполагают собой совокупность социально-психологических пространств, или иначе, пространств отношений, в которых развивается и существует человек. Первичным социально-психологическим пространством для человека является семья. Об-

ращаясь к понятию «мир детства», можно также утверждать, что социально-психологическое пространство семьи является для ребенка, пока он еще не вошел в другие социально-психологические пространства, целым миром, с этой точки зрения любые проблемы, возникающие в системе семейных отношений, являются для ребенка проблемами мирового масштаба, ведь другого мира ребенок пока еще не ведает.

Актуальным социально-психологическое пространство семьи остается и для подростков, однако на него как бы наслаиваются социально-психологические пространства школы и группы сверстников. Несмотря на кажущуюся пересеченность этих двух пространств, на самом деле характер отношений в них разнится настолько, что их следует рассматривать хоть и в контексте сосуществования друг с другом, но как отдельные единицы. Итак, подросток существует одновременно в трех социально-психологических пространствах: семья, школа и группа сверстников.

Начиная с 24 февраля 2022 г. социально-психологические пространства как для всех граждан Российской Федерации, так и по всему миру в целом, подверглись значительным и необратимым изменениям. Эти изменения так или иначе затрагивают все сферы человеческой жизни, и, несомненно, все возрастные группы, в том числе подростковый возраст. Перед людьми встали новые жизненные задачи, функциональные требования, к разрешению которых многократно возросли, по сравнению с теми, что были раньше.

Это приобретает особое значение в контексте ведущихся по всему миру консциентальных войн, важно подчеркнуть, что чаще можно встретить этот термин в вариации «ментальная война», однако мы настаиваем именно на применении прилагательного «консциентальный» в связи с тем, что основным предметом борьбы в рамках данных войн выступает контроль за человеческим сознанием. Таким образом, современные подростки живут в условиях постоянной, иногда неосознаваемой, борьбы за контроль над собственным сознанием, если точнее – над развитием и применением собственных психологических функций, обеспечивающих деятельность сознания. Психологические функции выступают в терминологии В. Д. Шадрикова регуляторами функциональной психологической системы деятельности [22]. Стоит сразу оговориться, что сейчас мы живем в эпоху дефицитарного развития психологических функций, иначе говоря, в постоянном риске оказаться в ситуации функциональной невозможности.

Примером потери подростками контроля за своим сознанием может служить заявление пресс-службы ФСБ Российской Федерации в октябре 2024 г.: «Задержаны 39 радикалов возрастом от 14 до 35 лет, сторонников деятельности запрещенных в России украинских террористических организаций, которые склоняли детей и подростков к совершению насильственных действий в отношении представителей государственных органов, одноклассников и учителей» [21]. Объяснением этого факта может служить то, что функциональная невозможность порождает собой уязвимость человека стать жертвой воздействия на него чужой воли, взамен своей собственной. Забегая вперед и вы-

ражаясь в терминах клинической социально-психологической виктимологии Е. В. Руденского, речь идет о консциентальной виктимности.

Воля – это качество личности, характеризующее ее способность к самостоятельному применению усилия для того, чтобы предпринять действия, обеспечивающие решение поставленной жизненной задачи. Перехват контроля над сознанием говорит о нежелании подростками самостоятельно применять усилие, поэтому в рамках воздействия на них чужой воли они являются, можно сказать, чистым листом, на котором возможно написать любую программу действий, в том числе насильственного и/или радикального характера.

В очерченных реалиях особую роль играет дефицитарное развитие социального интеллекта как системы функций, которые обеспечивают адаптацию человека и проявление его жизнестойкости, два основополагающих компонента, обеспечивающих недопущение перехвата контроля над своим сознанием. Таким образом, наиболее актуальным проблемным полем для работы с подростками является развитие социального интеллекта, которое можно рассматривать как основной способ укрепления «обороны» в ведущихся консциентальных войнах.

Таким образом, проблему можно обозначить следующим образом: состояние социального интеллекта подростков не соответствует социальным параметрам и блокирует работу механизма диспозиционной регуляции социального поведения, что является благодатной почвой для организации стороннего деструктивного консциентального воздействия.

Основной сложностью в организации психологической работы была и остается человеческая индивидуальность. Сколько бы ни вышло книг, описывающих социально-психологические типы, характерологические особенности личности, и как бы подробно ни были изучены закономерности развития (в т. ч. дефицитарного) человека, всегда в своей работе психолог будет наталкиваться на индивидуальность как неповторимое своеобразие конфигурации вышеперечисленных и многих других черт, особенно когда это касается работы с проблемным полем конкретного человека или группы лиц, по аналогии с мыслью бессмертного классика Л. Н. Толстого: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастлива по-своему».

Чтобы разобраться в уникальной конфигурации черт, качеств, свойств конкретной личности, необходим тщательно отобранный диагностический инструментарий. Здесь стоит несколько углубленно рассмотреть и то, что собой представляет современная психологическая диагностика, и то, каково ее назначение.

Диагностика выступает как инструмент, позволяющий систематизировать и определить индивидуально-психологические особенности человека, создать почву для описания личности и ее проблемного поля в концептах (на языке той науки или направления науки, которой мы занимаемся), таким образом, диагностика являет собой инструмент создания концептуального плацдарма, при вступлении на который задача психолога – концептуализировать проблему конкретного клиента. Отчасти мы уже сделали это, когда определили, что

основным проблемным полем является дефицитное развитие социального интеллекта подростка, однако выявление и описание особенностей развития социального интеллекта у индивидуума остается за диагностикой и последующей концептуализацией.

На основании анализа проблемного поля создается возможность для подбора необходимого для работы набора диагностических методик, наиболее распространенный вариант – набор методик тестового характера, создание тестовой батареи.

Однако перед этим этапом необходимо обозначить еще несколько важных вещей – особенности организации самого процесса диагностической работы. Любая диагностическая работа в итоге несет в себе два компонента: содержательный и процессуальный, где содержательный компонент рассматривается как итоговый продукт деятельности диагностируемого, а процессуальный рассматривается как система действий и операций, производимых диагностируемым в процессе работы, иначе говоря, какие действия предпринимает диагностируемый при выполнении задачи, поставленной психологом. Например, количество и характер уточняющих вопросов, задаваемых диагностируемым при ответе на вопросы теста, может выступать свидетельством о ширине и глубине его концептуального поля.

Касательно процессуального компонента диагностических методик следует отметить, что вместе с качественными изменениями социально-психологических пространств изменились и условия применения диагностических методов, несмотря на то, что их содержание, по сути, осталось прежним. Повсеместная апатия, дебилизация, цифровая аутизация и прочие условия жизни современных подростков (на самом деле не только их) привели к явным изменениям в процессуальной части работы с диагностическими методиками. Но стоит отдать должное разработчикам диагностических материалов, вряд ли интенционально, но, в сущности, ими были предусмотрены даже такие радикальные изменения в характере действий диагностируемых, и поле применения диагностических методик, в частности тестовых, не сузилось со временем, а только лишь расширилось.

Что же касается содержательного компонента, с течением времени, прошедшего с разработки популярных диагностических методик, произошли существенные изменения в концептуальных системах описания индивидуально-психологических особенностей личности, но, по очевидным причинам, авторы тех лет уже не способны на обновление концептуального поля разработанных ими диагностических методик под новые реалии жизни, новые возникающие ответвления в психологии, социальной психологии и т. д.

Как уже было сказано, в контексте ведущихся концентрических войн можно говорить о виктимности как уязвимости стать жертвой проявления чужой воли вместо своей собственной, соответственно, и диагностический инструментарий необходимо подбирать исходя из того, чтобы выявить характер этой виктимности – путь ее развития, актуальные реальные существования виктима (человека-жертвы) и путем концептуализации проблемы

определить терапевтическую мишень работы, чтобы запустить в работу механизм девиктимизации (обращение процесса развития виктимности, виктимизации вспять). Для выполнения этих задач далеко не всегда подходит концептуальный аппарат, изначально заложенный авторами диагностических методик.

Явление виктимности (в социально-психологической трактовке) подробно изучено и описано в рамках научного направления социально-психологической виктимологии личности, разработанной Е. В. Руденским [7; 8, с. 10–13], способы организации запуска механизма девиктимизации описываются также Е. В. Руденским уже в рамках клинической социально-психологической виктимологии [5; 6; 9; 14]. Совокупно систему виктимологического знания представляет собой концепт-виктим-система, позволяющая выстроить как систему реконцептуализации диагностических методик в соответствии с актуальными реалиями конфигурации социально-психологических пространств, а соответственно, и условий, и текущего уровня развития социального интеллекта современных подростков, так и систему методов непосредственной работы по развитию социального интеллекта.

Последнюю мысль развернем несколько нестандартно, в обратном порядке, начиная от описания самого метода работы по развитию социального интеллекта подростка и лишь затем опишем принципы отбора диагностического инструментария, обеспечивающего конкретику применения этого метода.

Для решения поставленной проблемы нами предлагается к рассмотрению метод виктимо-драма-дидактики. Метод, разрабатываемый нами в рамках клинической социально-психологической виктимологии, входящий в группу методов виктимо-драма-социатрии, терапии отношений, которая приводит к девиктимизации личности путем перестройки отношений, по сути, перестройки социально-психологического пространства личности [16].

Здесь важно обратиться к троякому пониманию драмы, разработанному в рамках работы нашей НИА:

1. Драма как тип отношений, построенный на конфронтации. Обозначим, что конфронтация не всегда напрямую ведет к конфликту, но в нашем случае речь идет именно о консциентальном интраперсональном конфликте (специально организованный с применением консциентальных технологий когнитивный диссонанс, создающий почву для захвата внимания и инициативы в перехвате управления сознанием).

2. Драма как метод организации действия, которое может служить объектом рефлексии – ведь только через рефлексию можно изменить самого себя. Драма всегда возникает в связи с каким-либо событием. Действия либо приводят к событию, либо возникли в результате события. В этих действиях и проявляется компетентность субъекта. Драма возникает от бессилия, невозможности решить задачу.

3. Драма как терапевтический инструмент, включающий в себя такие средства, как конфликт, борьба, роль, действие, задача, рефлексия, инсценизация.

Таким образом, можно заключить, что драма хоть и основана на конфликте, но конфликт этот может быть как конструктивным, так и деструктивным, все зависит от способа организации действия. Организации действия в драматической игре посвящены программы тренинга, основанные на системе К. С. Станиславского [2, с. 17–20], структура построения тренинга и упражнения из этих тренингов положены в основу реализации метода виктимо-драма-дидактики, за одним важным отличием, вместо подготовки актеров мы производим подготовку полноценно функционирующих социальных акторов, людей, компетентно осуществляющих социальное функционирование в действии.

Методологическим основанием виктимо-драма-дидактики является драма-методология клинической социально-психологической виктимологии. Основа виктимо-драма-дидактики – обучение компетентности путем обучающего развития действием в драматической игре (действие построено на специально написанных сценариях или драматических произведениях литературы).

Этот метод позволяет освоить методологию жизни как драматическую интеракцию, которая включает в себя на психофизическом уровне – борьбу, на когнитивном уровне – переживание, на поведенческом уровне – усилия, на мотивационном уровне – самоутверждение, на диспозиционном уровне – самодетерминированность. Виктимо-драма-дидактика выступает в качестве индуктора (побудителя).

Превентивность виктимо-драма-дидактики заключается в развитии способности выходить из конфликтов или управлять конфликтом, т. е. находить выход или управлять критическими ситуациями жизнедеятельности.

Основа виктимо-драма-дидактики – обучение компетентности путем обучающего развития сценарно-драматическим действием (action development drama) в драматической игре. Таким образом, сутью виктимо-драма-дидактики в контексте решения проблемы абьюза в семейных отношениях является постепенное выращивание утраченного в абьюзивных отношениях компетентного потенциала путем проигрывания сценариев, индуцирующих необходимость включения в драматическую игру деятельности переживания для решения поставленной в рамках игры задачи.

Обозначим, что при культивировании, выращивании одной за другой компетенций (составляющих компетентность, в нашем случае системы действий, обеспечивающих функционирование социального интеллекта) переживания растет резилентность человека как мера его неуязвимости к критическим жизненным ситуациям, что и позволяет прервать постоянство нахождения ребенка-жертвы патологического социально-психологического пространства в ситуации невозможности.

Теперь перейдем к описанию принципов отбора диагностического инструментария, позволяющих организовать эффективное применение метода виктимо-драма-дидактики. Отметим, что излагаемое далее применение концепт-виктим-системы является лишь примерами, поскольку в диагностике огромное значение имеет индивидуальная интерпретация самого психолога.

Невозможно в рамках одной статьи охватить все возможные диагностические методики, поэтому остановимся лишь на некоторых примерах, чтобы продемонстрировать сами возможности применения и внедрения концепт-виктим-системы в собственную практику психологической работы. Стоит отметить, что некоторые тестовые методики уже были переведены в эту концептуальную систему ранее, например, авторская интерпретация Е. В. Руденским и Ю. Е. Руденской многофакторного личностного опросника 16PF Р. Кеттелла [4; 15]. Поэтому конкретно на этом опроснике останавливаться не будем.

Интегративным показателем жизнестойкости подростков служит психосоциальная зрелость, измерение которой возможно при помощи тестовой методики «Опросник ПСЗ», где «ПСЗ» – «психосоциальная зрелость» [3]. Ключевой концепт в рамках работы с этим тестом самоочевиден, причем текст методики не содержит в себе никакого описания этого концепта. Подвергнем его реконцептуализации в рамках концепт-виктим-системы.

Размытость трактовки концепта «психосоциальная зрелость» возможно преодолеть, обратившись к обзорным статьям. Так, например, основную работу по описанию этого концепта с разных углов провели В. В. Шиповская и А. Ш. Гусейнов [23]. Так, существенными аспектами психосоциальной зрелости выступают:

- развитый социальный интерес, преодоление конформизма, эгоцентризма и отчуждения;
- показатель зрелости индивидуального сознания, личностной автономности, способности к многомерной, системной рефлексии и конструктивной протестной активности;
- построение внутренней системы ценностей как саморуководства, достижение личностной целостности, конгруэнтности и гендерной идентификации, готовности к семейной жизни, профессиональной деятельности и принятию гражданской ответственности;
- фаза социального развития, на которой происходит «переход от воображаемой жизни к практической», освобождение от юношеского максимализма, кристаллизация чувства личной идентичности, свидетельствующая о том, что индивид готов к творческой самореализации и принятию ответственности за разные аспекты своего поведения;
- способность к осуществлению самопроизвольного контроля поведения;
- компонент преодолевающей активности.

Выражая полученные данные языком драма-методологии с применением концепт-виктим-системы, получим, что психосоциальная зрелость является показателем развитости и степени кристаллизации системы компетентных действий и системы ценностей, регулирующей эти действия, дающих возможность, в нашем случае, подростку, совершить качественный скачок в личностном развитии, принять ответственность за свою судьбу, свои действия и последствия своих действий, организовать свои действия на основе принципов автономии и самодетерминации.

Соответственно, такая интерпретация концепта психосоциальной зрелости в рамках применения опросника ПСЗ позволяет диагностировать сформированность его внутренней организации системы действий, что имеет принципиальное значение для организации действия драматического.

Другим примером послужит тест по определению социально-психологического типа личности В. М. Миниярова. Как пишет сам автор: «Изучение социально-психологического типа личности вытекает из того детерминированного сценария воспитания, который складывается под влиянием социальных факторов и средств педагогического воздействия и о которых говорил в свое время Э. Берн» [1]. Таким образом, социально-психологический тип, по своей сути, является продуктом складывающихся в семье (а затем и в школе, и в отношениях со сверстниками) драматических отношений, складывающихся по определенному сценарию, т. е. заранее заготовленной системе действий субъектов социально-психологического пространства подростка.

Определение социально-психологического типа личности в такой интерпретации этого концепта позволяет выявить характер личности подростка, в концепт-виктим-системе Е. В. Руденского характер является как бы отпечатком тех отношений, в которых воспитывался ребенок, таким образом, путем применения данной тестовой диагностической методики представляется возможность охарактеризовать социально-психологическое пространство подростка, что, в свою очередь, позволяет проследить, с одной стороны, динамику развития консциентальной виктимности подростка, с другой стороны, текущее состояние системы диспозиционной регуляции подростка, проявляющейся в характере его социального действия.

В заключение хочется отметить, что концепт-виктим-система как система виктимологического знания и виктимо-драма-социатрия как группа методов, включающая в себя в том числе виктимо-драма-дидактику, являются не только способом организации практического действия в работе с актуальными проблемами подростков, но и образом мышления специалиста при концептуализации проблемы, при определении философской основы решения проблемы, наконец, как было продемонстрировано в рамках данной статьи при определении, отборе и непосредственном применении диагностического инструментария. Обозначенные примеры реконцептуализации привычных диагностических тестовых методик лишь иллюстрация широты возможностей применения концепт-виктим-системы для решения профессиональных задач, возможностей применения бесчисленное множество, и они напрямую вытекают из широты концептуально-методического тезауруса, интерпретативного потенциала специалиста, применяющего концепт-виктим-систему Е. В. Руденского.

Список источников

1. *Минияров В. М.* Психология семейного воспитания (диагностико-коррекционный аспект). – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Модэк, 2000. – 256 с.
2. *Полищук В., Сарабьян Э.* Библия актерского мастерства: уникальное собрание актерских тренингов по методикам величайших режиссеров. – М.: АСТ, 2014. – 791 с.

3. Психолого-педагогическая диагностика: уч.-метод. пособие / Г. Б. Горская, Е. А. Пархоменко, А. А. Дубовова. – Краснодар: Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, 2019. – 251 с.
4. Руденская Ю. Е., Руденский Е. В. Виктимодиагностика: уч. пособие для направления 44.04.02 «Педагогическая психология», профиль «Педагогическая и социально-педагогическая виктимология». – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. – 213 с.
5. Руденский Е. В. Драматургический интеракционизм как методология клинической виктимологии личности [Электронный ресурс] // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2019. – № 1. – С. 170–184. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dramaturgicheskiy-interaktsionizm-kak-metodologiya-klinicheskoy-viktimologii-lichnosti> (дата обращения: 10.01.2024).
6. Руденский Е. В. Интерактивное обучение как основа конструктивной трансформации личности // Психосоциальная работа. – 2002. – № 2. – С. 7–18.
7. Руденский Е. В. Интерактивный виктимогенез как механизм развития социализационного дефекта онтогенеза личности // Социально-психологическая виктимология личности. – 2014. – № 1. – С. 1–5.
8. Руденский Е. В. Исследование культурной дефектности интерактивных систем семейного воспитания // Вестник Евразийского гуманитарного института. – 2004. – № 3. – С. 53–56.
9. Руденский Е. В. Клиническая социально-психологическая виктимология: теория и практика девиктимизации межличностной патологии отношений // Высшая школа: научные исследования: материалы Межвузовского международного конгресса (г. Москва, 11 января 2024 г.). – М.: Изд-во «Инфинити», 2024. – Т. 2. – С. 24–31.
10. Руденский Е. В. Методология и теория исследования виктимогенеза личности. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – 221 с.
11. Руденский Е. В. Психология ненормативного развития личности: уч. пособие для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 177 с.
12. Руденский Е. В. Социальная патология: уч. пособие для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 199 с.
13. Руденский Е. В. Социально-психологическая виктимология личности: пропедевтика: монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. – 146 с.
14. Руденский Е. В. Социально-психологический тренинг как форма социального обучения личности // Социально-психологический тренинг. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления, 1999. – С. 4–8.
15. Руденский Е. В., Руденская Ю. Е. Терапевтическая виктимодиагностика личностной деформации подростка: диагностика личной виктимности: учебник для направления подготовки 37.04.01 «Психология», магистерской программы «Драматерапия виктимности». – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2021. – 230 с.
16. Сальников О. О. Драмадидактика как способ реализации превентивной адаптации к темпераменту в обучении младших школьников // Социокультурные проблемы современного человека: материалы VIII Международной научно-практической конференции / под ред. Н. Я. Большуновой, Т. В. Белашиной, А. А. Александровой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2022. – С. 341–345.
17. Станиславский К. С. Искусство представления: классические этюды актерского тренинга. – СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2014. – 189 с.

18. *Станиславский К. С.* Моя жизнь в искусстве. – М.: Эксмо, 2020. – 446 с.
19. *Станиславский К. С.* Процесс творческого воплощения: этика. – М.: Эксмо, 2018. – 379 с.
20. *Станиславский К. С.* Работа актера над собой. – М.: АСТ, 2018. – 670 с.
21. ФСБ задержала 39 проукраинских радикалов, склонявших подростков к насилию [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20241001/radikaly-1975720288.html> (дата обращения: 12.05.2024).
22. *Шадриков В. Д.* Ментальное развитие человека. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 284 с.
23. *Шиповская В. В., Гусейнов А. Ш.* Психосоциальная зрелость в контексте преодоления трудных ситуаций и предупреждения личностных деструкций // *Казанский педагогический журнал*. – 2019. – № 3 (134). – С. 171–176.

Информация об авторе

Олег Олегович Сальников, аспирант 2 курса факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет; старший научный сотрудник, Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского, Новосибирск, sal-oleg99@mail.ru

Поступила: 25.04.2025

Одобрена после рецензирования: 20.08.2025

Принята к публикации 30.10.2025

Научная статья

УДК 316.6

Гейминг как виктимо-драма-экзистенция подростка нашего времени

А. В. Карпов¹

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

В настоящее время гейминг является неотъемлемой частью жизни большого количества школьников. Данная статья направлена на то, чтобы прояснить то, как гейминг приходит в жизнь ребенка, почему он в ней закрепляется, а также, какие проблемы возникают перед подростком, оказавшимся затянутым в компьютерные игры. Также в статье рассмотрено, как конкретные игры влияют на становление личности подростка.

Ключевые слова: гейминг; игра; ведущий вид деятельности; виктимо-драма; гэм-блинг; рейтинговая система.

Для цитирования: Карпов А. В. Гейминг как виктимо-драма-экзистенция подростка нашего времени // Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология). – 2025. – № 1. – С. 30–36.

Прежде всего стоит разобраться с понятиями, присущими современной подростковой культуре, но от которых далеки многие взрослые субъекты социально-психологического пространства нашей страны. Под геймингом в данной статье подразумевается увлечение компьютерными играми на постоянной основе, т. е. ежедневное использование компьютерных игр для выполнения тех или иных целей личности. Какие же цели преследуются игроком в компьютерных играх? Чтобы с этим разобраться, необходимо понимать различие игр, например, существуют многопользовательские (multiplayer) игры (далее MP), где игроки либо играют вместе, чтобы выполнить какую-то игровую задачу – эти игры называются кооперативными или же PVE (от англ. player versus environment – игрок против окружающей среды), или же, где игроки сталкиваются друг против друга в противостоянии по определенным правилам, такие игры называются PVP (от англ. player versus player – игрок против игрока).

Также существуют одиночные (singleplayer) игры (далее SP), целью которых является зачастую рассказать увлекательную историю игроку, или же предложить какой-то новый игровой опыт. Это самый верхний, или же самый базовый принцип разделения игр, и, исходя из вышеизложенного, можно

предположить, какие цели в игре может преследовать игрок, например, если игроку не хватает социального взаимодействия, то игрок, конечно же, выберет МР игры, и тут в зависимости от желания игрока – хочется спортивного противоборства с другими игроками, т. е. самоутверждения за счет другого, демонстрации того, что ты лучше за счет подготовки, опыта, или же банальной удачи, тогда игрок выбирает PVP. Или же, наоборот, противоборства с другими игроками не хочется, игрок хочет кооперации, работы в команде, нахождения в ситуации, когда игрок вместе с другими игроками решает поставленную перед ним проблему по определенным правилам.

Для взрослого человека незнакомого с феноменом гейминга может звучать странным «как что-то в компьютере может быть проблемой», но для современных подростков, порой то, что происходит на экране, является куда большей проблемой, чем, например выбор высшего учебного заведения, и это стоит признать.

В чем же заключается феномен гейминга? Прежде всего стоит упомянуть Д. Б. Эльконина с его концепцией ведущего типа деятельности [4]. Как известно, игра перестает быть ведущим типом деятельности примерно в возрасте 7 лет, когда ребенок начинает ходить в школу, далее наступает момент смены ведущего типа деятельности ввиду смены социальной ситуации и требований к ребенку на учебную деятельность, однако игровая все также остается. В процессе учебной деятельности происходит овладение новыми знаниями и использование их для решения поставленных задач.

Также стоит отметить, что ребенок оказывается в новой для себя ситуации, и важным аспектом, но довольно сложным, является освоение в ней. Более того, ребенок находится в социальной ситуации, где его оценивают, как и других детей, оказавшихся в той же ситуации, что при негативной оценке формирует сложность переживания учебной деятельности и социального включения в группу класса, ведь возможность для ребенка сформировать самооценку на основе полученных реакций его деятельности от взрослого – учителя является первичным главным фактором самооценивания индивида, а также формирует отношение группы класса к ребенку. В итоге, в школьной среде и ее ведущих видах деятельности возникает огромное количество проблем, которые современный ребенок далеко не всегда разрешает благополучно.

И здесь возникает вопрос, может ли удовлетворить все потребности школьника, которые фрустрированы в процессе обучения и общения с классом, компьютерная игра? Да, может, причем в более приятной форме для ребенка, чем это делает школа. Выясним, как же все эти аспекты представлены в игре. Прежде всего перед игроком во время прохождения игры всегда ставятся задачи, усложняющиеся по мере продвижения к ее концу, а также появляются новые способы взаимодействия с миром, используя эти способы по-новому, или даже комбинируя их, ребенок способен решить поставленную задачу и получить вознаграждение в виде оценки его деятельности, или более

ценную награду, новый способ взаимодействия с миром, который надо изучить и научиться применять.

На наш взгляд, это сильно напоминает то, что происходит в школе, ребенку дают новый способ решения примера, он его закрепляет путем самостоятельного решения задачи, далее ему выдается новый, более сложный способ, базирующийся на предыдущем, и т. д. Что же касается освоения в новой ситуации, это тоже есть в игре, каждая новая игра – это новая ситуация, в которой оказывается ребенок, и ему необходимо в ней разобраться, понять, что происходит в мире игры, понять, каких целей преследуют различные персонажи, как итог, сформировать свое собственное «игровое» мировоззрение. Что же касается выстраивания самооценки за счет отзывов о своей деятельности: SP игры не способны в полной мере предоставить этот опыт, как кажется на первый взгляд, но так ли это. В процессе игры ребенок начинает олицетворять себя с главным героем игры, возможно в игре даже предоставят право выбора, что в большей степени позволит ребенку войти в роль персонажа. А действия персонажа оцениваются другими действующими лицами в игре, поэтому ребенок невольно начинает переносить оценки, данные его персонажу, на себя, формируя дефект самооценки, иначе, ложную самооценку.

Далее ребенок может пойти в школу, или во двор, и рассказать другим о своих успехах в игре и здесь он получает отзыв реального человека, но зачастую необъективный, таким образом, складывается часть самооценки, а что же другая часть, зачастую это нелестные отзывы учителя о поведении и успеваемости, и ввиду их негативности они или не учитываются в полной мере, или же, наоборот, гиперболизируются. Все вышеуказанное описывалось исходя из того, что зачастую современные игроки начинают с SP игр. Но у таких игр есть один очень существенный недостаток – они не дают игроку оценить поражение в полной мере. Поражение в SP игре – это зачастую сюжетный момент, где у игрока и не было шанса победить. Всегда быть победителем надоедает, а также при постоянных победах ценность этих побед падает, и как итог они больше не приносят должного удовольствия. Также стоит отметить, что наш ребенок уже подросток, а по Д. Б. Эльконину, примерно с 12, т. е. с начала подросткового возраста, ведущий тип деятельности меняется на интимно-личностное общение со сверстниками [4]. Такие игры совершенно точно предложить не могут, верно? И ответ будет «нет», потому что они могут, и, как и в случае с учебной деятельностью, они предоставляют более специфический и интересный опыт, чем все та же школа.

Здесь мы переходим к МР играм. Современные игры способны предложить игроку как PVP, так и PVE в одном флаконе, разберем 2 самые популярные игры среди подростков в разных жанрах. Первой будет игра в жанре шутер-батл рояль Fortnite, сейчас, наверное, сложно будет встретить школьника, который не играл в эту игру, или не знает о ней. Основной идеей является концепция королевской битвы, т. е. остаться последним выжившим среди 100 игроков, участвующих в одном матче, – этим представлен PVP аспект, PVE аспект заключается в том, что игрок может отправиться на поле сраже-

ния либо один (тогда это чистое ПВП), либо же в числе команды, состоящей либо из 2, либо из 4 человек, и здесь уже подключается PVE аспект, как работа в команде с союзниками против среды, просто средой является игровой мир, населенный другими игроками, а также искусственным интеллектом (они либо представлены отдельной фракцией, либо могут маскироваться под настоящих игроков).

Момент общения заключается в поиске союзника, с которым игрок будет играть продолжительное время. Так или иначе, каждый игрок к этому приходит. Можно найти союзника в реальной жизни, тогда игра оказывается точкой соприкосновения, с которой начинается общение, т. е. игра выступает в качестве фактора, который облегчает начало общения со сверстником, потому что с самого начала общения есть огромный пласт информации, который можно и который интересно обсудить с человеком, начиная от тактики на игру, любимых оружий и т. п. заканчивая количеством побед, часов в игре и чем-то более реальным, например тем, как родители относятся к тому, что ты играешь в эту игру. Также союзника можно найти в сети, например в специально созданных для этого сообществах, или же в игровом чате, или даже просто в игре после серьезной битвы за топ 1. Но ключевой момент отличия общения в игре и в реальной жизни в том, что игра постоянно будет проверять вашу дружбу, а также создавать моменты, которые будет очень приятно разделить с виртуальным другом.

Ситуаций может быть много, например совместная победа, когда ты со своим союзником становишься лучшим среди других 50 таких же пар, или же ситуация, когда союзник пожертвовал собой, чтобы игрок смог победить, или же ситуация, когда игрок любой ценой пытается спасти союзника и они побеждают, или же проигрывают. Все эти ситуации, во-первых, создают совместные переживания, которые испытывают игроки и могут их обсудить, во-вторых, демонстрируют игроку то, что он выбрал правильного союзника и из них получается действительно хорошая команда. Также стоит отметить, что способ знакомства в интернете является более безопасным для ребенка, ведь в такой ситуации он не может оказаться, например «некрасивым», человек по ту сторону монитора оценивает только его действия и слова, а это значит, можно продемонстрировать себя таким образом, каким хочет ребенок.

Второй самой популярной игрой среди подростков выступает Dota 2, игра в жанре МОБА (многопользовательская онлайн боевая арена), в этой игре встречаются 2 команды по 5 человек для того, чтобы защитить свою базу противника, также разрушить базу врага. Уникальным аспектом Dota 2 является то, что роль игрока в команде заранее определена, т. е. существуют негласные правила, что должен делать игрок на каждой роли, от этого получить положительную оценку от союзников становится легче. А также второй уникальный аспект, который привнесла Dota 2 в мир многопользовательских игр, – это рейтинговая система. Сейчас уже сложно встретить игру, в которой не будет рейтинговой системы, но впервые она появилась еще в первой части

Dota и закрепились во второй. На бумаге все довольно просто – побеждаешь и получаешь +25 к своему счетчику рейтинга, проигрываешь и получаешь –25. И для современных школьников, играющих в Dota 2, эти цифры важнее, чем оценки в аттестате. Почему так происходит? Потому что это действительная оценка его способностей как игрока, а т. к. игра занимает ведущий тип деятельности, то цифры являются оценкой игрока. Ведь для того чтобы повысить свой рейтинг недостаточно просто заходить и играть, необходимо приложить много усилий, чтобы изучить игру, научиться применять то, чему научился в реальной ситуации игры, а также найти союзников или же научиться эффективно коммуницировать со случайными союзниками.

И здесь кроется еще один важный аспект Dota 2 – это то, что у большинства игроков в ходе длительной игры формируется экстернальный локус контроля и, как итог, ресентимент. Ведь тяжело переживать поражения и искать проблему в себе, гораздо проще обвинить в поражении другого и сохранить свою ценность как способного выполнять эту деятельность хорошо. И когда такие люди объединяются в команду не по собственной воле, начинаются многочисленные обвинения в адрес друг друга. Именно в этом моменте подросток возвращается в виктимо-драму. Ему нужно снова добиваться признания, бороться в социальной среде за ощущение себя полноценным. Подросток не признает свои ошибки, винит других и находится, как ему кажется, на пониженном рейтинге среди глупых людей в команде, с которыми он уже не может повысить свой рейтинг. Но на данном этапе отказаться от этой деятельности уже сложно, вступают в силу все принципы аддиктивного процесса, описанного Ц. П. Короленко [1]. Ввиду прошлого позитивного опыта подросток не способен отказаться от игры сейчас, он уверен в том, что игра все еще способна предложить ему то, что ему так нужно, он не готов возвращаться в более сложную и отталкивающую реальность.

Также стоит отметить, что на данном этапе ввиду кризиса подросткового возраста возрастает желание противопоставления себя родителям, а родители как раз зачастую высказываются о компьютерных играх крайне негативно. И вот современный подросток остается совсем один с 4 незнакомыми ему людьми (или же с друзьями, но с меньшей вероятностью), чувствует собственную беспомощность, слышит обвинения в свой адрес, но не принимает их, потому что авторитет говорящего крайне низок, скорее всего, обвиняет в ответ, но такая деятельность не приносит никакого удовольствия.

Как же можно именно таким образом проводить время? И тут вступают в дело разработчики игры, они, безусловно, заинтересованы в том, чтобы игрок оставался именно в их игре как можно дольше. Современные игры способны задержать в себе игрока на многие часы благодаря усиленной работе психологов над игровым процессом. Добавим награды за выполнение определенных простых задач, это как поможет поднять ценность игрока в своих глазах, так и предлагает ему определенную награду за свои усилия. Самое важное – сделать подбор игроков так, чтобы игрок не проигрывал каждую игру. Так или иначе, после одного, двух или же трех поражений последует победа,

и что самое интересное коммуникация таких игроков в победной игре будет куда более комфортной и приятной, но, конечно же, не всегда у некоторых настолько изменяется модель взаимодействия с союзниками, что они способны оскорбить игрока даже за правильные действия в победной игре.

Таким образом, мы имеем то, что игрок получает то, что он хочет, но не каждую игру, именно это привносит элемент гэмблинга. В SP играх такого нет, но вот в МР игрок начинает игру и никогда не знает, победит он или нет, он может быть уверен в своих силах, но не знает наверняка. Но то, что происходит в игре, имеет качественное отличие от обычной гемблинговой ситуации – в силах игрока повлиять на исход события, безусловно, в различного рода азартных играх существует право выбора – черное или красное, взять карту или нет, но даже заядлые игроки понимают, что это не оказывает существенного влияния на результат, ключевой фактор – это удача. Но в компьютерной игре ключевым фактором являются действия игрока, подготовка, опыт, настрой, коммуникация с союзниками – от этого уровень азарта возрастает, и зачастую не так важно, что на кону всего лишь цифра рейтинга, а не реальные деньги, азарт у такого игрока может быть выше, чем у заядлого игрока в казино.

Взрослому человеку сложно представить, что вышеописанное может быть правдой, но, к сожалению, именно так протекает жизнь подростка, который играет в игры, но на самом деле у этого есть и положительные стороны: например, такие игры зачастую требуют быстрого мышления, сообразительности, острого внимания, а также определенных механических навыков, все это оттачивается в каждой игре.

Также не стоит забывать о сложной социальной ситуации в игре, подросток из раза в раз будет формировать идеальную модель поведения под каждый тип как союзников, так и оппонентов, и, как итог, станет куда более адаптивным в ситуации общения (другой вопрос, подойдет ли это под ситуации реального общения, и будет ли это адекватно, но все же). И, наверное, самое важное, что формируется во время длительного времяпрепровождения в таких компьютерных играх – это жизнестойкость (по Д. А. Леонтьеву) [2]. Безусловно, не каждый игрок сможет ее сформировать, но многие все-таки смогут. В течение многих игр игрок сформирует мнение о себе как о человеке, играющем в эту игру, о мире игры, а также о других людях, играющих в эту игру. В процессе игры он будет демонстрировать вовлеченность в процесс и способность в той или иной мере контролировать ситуацию. Сила игрока, вовлеченность и контроль коррелируют прямо пропорционально между собой. Подняв свой рейтинг, игрок будет встречать качественно новых соперников и союзников, что будет только подогревать интерес к игре и мотивировать игрока повышать свою силу и рейтинг дальше.

Как итог, виктимо-драмой будет являться момент стагнации игрока, но игра предоставляет игроку все возможности эту стагнацию преодолеть, и даже в какой-то мере мотивирует игрока это сделать. Но рано или поздно наступит новый момент стагнации, и усилий для его преодоления понадо-

бится уже больше. Таким образом, игрок попадает в своего рода цугцванг – ситуацию, когда продвижение дальше лишь усугубляет ситуацию, рано или поздно любой игрок достигает предела. И здесь игроку предстоит выбор, уйти из игры, признав свое бессилие, или же продолжать пытаться преодолеть стагнацию, прилагая усилия, но все равно чувствовать собственное бессилие. Перспектива выглядит мало привлекательной, но здесь в силу вступает современное медиа. Игры игроков на высоком рейтинге интересны другим игрокам, на этом можно даже построить собственную карьеру, например, киберспорта, стримера, выпускать обучающие ролики или же развлекательные, так или иначе, игра способна предложить игроку то, на чем он сможет зарабатывать, играя в нее, что тоже является определенного рода мотиватором к игре и повышением собственного рейтинга и уровня игры.

Список источников

1. *Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В.* Психосоциальная аддиктология. – Новосибирск: Олсиб, 2001. – 251 с.
2. *Леонтьев Д. А., Курганская М., Рассказова Е. И.* Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика: колл. монография. – М.: Смысл, 2011. – С. 178–209.
3. *Руденский Е. В.* Драматургический интеракционизм как методология клинической виктимологии личности // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. – 2019. – № 1. – С. 170–183.
4. *Эльконин Д. Б.* К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. – 1971. – № 4. – С. 6–20.

Информация об авторе

Антон Вячеславович Карпов, студент 4 курса, направление «Психология», профиль «Консультативная психология», Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск.

Поступила: 15.04.2025

Одобрена после рецензирования: 14.08.2025

Принята к публикации 30.10.2025

Научная статья

УДК 316.6

Запугивание как социально-психологический механизм виктимизации отношения к учебе

С. В. Илларионов¹

¹ Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского, Новосибирск

В статье представлен пример интерпретативного подхода к использованию диагностического инструментария исследования патологии развития личности, указывающий на необходимость формирования клинико-виктимологического подхода в рассмотрении актуальной проблемы культурной патологии, где представленный диагностический инструментарий является очень важным средством решения поставленных задач.

Ключевые слова: виктимность; виктимизация; клинико-виктимологический подход; культурный виктимогенез; патология; культурная патология; социально-психологическая диагностика; субъектная виктимность.

Для цитирования: Илларионов С. В. Запугивание как социально-психологический механизм виктимизации отношения к учебе // Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология). – 2025. – № 1. – С. 37–44.

Отчетливой тенденцией развития современной социально-психологической науки становится изучение отдельного человека, а не общности, или человека и общества, а человека в его патологиях, и прежде всего культурной. Данный факт делает особенно актуальным вопрос совершенствования интерпретативного подхода к использованию инструментария исследования патологии развития личности.

В статье показан опыт использования диагностического инструментария для решения поставленных перед психологом задач. Статья основана на материалах практической работы с ребенком школьного возраста, учеником 4 класса одной из школ г. Новосибирска.

Любая практическая работа психолога с клиентом должна начинаться с того, что необходимо концептуализировать проблему, с которой обращается клиент.

Для этой цели была проведена диагностика по следующим методикам:

1. Тест школьной тревожности Филлипса. Методика позволяет изучить характер переживания тревожности, связанной с различными областями школьной жизни. Показатели этого теста дают представление как общей тревожности – об эмоциональном состоянии ребенка, связанном с различными формами его включенности в жизнь школы, так и о частных видах проявления школьной тревожности.

Г. С. Салливан, который и является основателем понимания тревожности как функции межличностных отношений, предложил рассматривать в каче-

стве источников ее формирования, во-первых, фрустрацию социогенных потребностей (потребности признания, потребности социальной защищенности и т. д.), а во-вторых, нарушение межличностной надежности.

Данная методика выявила высокий показатель по шкалам «Общая школьная тревожность» и «Страх ситуации проверки знаний».

Общая школьная тревожность – это общее эмоциональное состояние ребенка, указывающее на наличие дефицита адаптационных способностей, определяющих характер включения личности учащегося в образовательный процесс школы.

Страх ситуации проверки знаний – это негативное отношение и переживание тревоги в ситуациях проверки (особенно публичной) знаний, достижений, возможностей. Представляет сложную комбинацию дефицитов первичной социализации, которые указывают на дефицит адекватных ситуации учебной деятельности системы ценностных ориентаций в сочетании с дефицитом самооценки личности учащегося.

2. Полный цветовой тест Люшера. Методика определяет психофизическое состояние человека, его стремления и потребности, ожидания и установки, оценивает взаимоотношения со значимыми людьми, определяет источники стресса и тревоги, анализирует внутренние конфликты.

По результатам данного теста выявлено состояние дезадаптации. При этом характеристика общего настроения описывается такими понятиями, как недоверие и оппозиционность (к партнеру и окружающим), отвращение к установленным в настоящее время близким отношениям.

Цели и способы эмоциональных проявлений, устремления, потребности описаны такими характеристиками, как горькое разочарование, отвращение к самому себе, гнев, возбужденная тревога, напряженное отчаяние.

По результатам теста Люшера выявлено также наличие внутреннего конфликта.

Существует несколько видов основных внутриличностных конфликтов:

1. Мотивационный конфликт (между «хочу» и «хочу»).
2. Нравственный конфликт (между «хочу» и «надо»).
3. Конфликт нереализованного желания (между «хочу» и «могу»).
4. Ролевой конфликт (между «надо» и «надо»).
5. Адаптационный конфликт (между «надо» и «могу»).
6. Конфликт неадекватной самооценки (между «могу» и «могу»).

Мотивационный конфликт. Один из часто изучаемых видов внутриличностного конфликта, в частности, в психоаналитическом направлении. Выделяют конфликты между бессознательными стремлениями (З. Фрейд), между стремлениями к обладанию и к безопасности (К. Хорни), между двумя положительными тенденциями – классическая дилемма «буриданова осла» (К. Левин), или как столкновение различных мотивов.

Нравственный конфликт. Его часто называют моральным или нормативным конфликтом. Рассматривается как конфликт между желанием и долгом, между моральными принципами и личными привязанностями (В. Мясищев).

А. Спиваковская выделяет конфликт между стремлением действовать в соответствии с желанием и требованиями взрослых или общества. Иногда рассматривается как конфликт между долгом и сомнением в необходимости следовать (Ф. Е. Василюк, В. Франкл).

Конфликт нереализованного желания или комплекса неполноценности (Ю. Юрлов). Это конфликт между желаниями и действительностью, которая блокирует их удовлетворение. Иногда его трактуют как конфликт между «хочу быть таким, как они» (референтная группа) и невозможностью это реализовать (А. Захаров). Конфликт может возникать не только, когда действительность блокирует реализацию желания, но и в результате физической невозможности человека его осуществить. Это конфликты, возникающие из-за неудовлетворенности своей внешностью, физическими данными и способностями.

Ролевой конфликт выражается в переживаниях, связанных с невозможностью одновременно реализовать несколько ролей (межролевой внутриличностный конфликт), а также в связи с различным пониманием требований, предъявляемых самой личностью к выполнению одной роли (внутриролевой конфликт). К этому виду относятся внутриличностные конфликты между двумя ценностями, стратегиями или смыслами жизни.

Адаптационный конфликт понимается как в широком смысле, т. е. как возникающий на основе нарушения равновесия между субъектом и окружающей средой, так и в узком смысле при нарушении процесса социальной или профессиональной адаптации. Это конфликт между требованиями действительности и возможностями человека – профессиональными, физическими, психологическими. Несоответствие возможностей личности требованиям среды или деятельности может рассматриваться как временная неготовность, так и неспособность выполнить предъявляемые требования.

Конфликт неадекватной самооценки. Адекватность самооценки личности зависит от ее критичности, требовательности к себе, отношения к успехам и неудачам. Расхождение между притязаниями и оценкой своих возможностей ведет к тому, что у человека возникают повышенная тревожность, эмоциональные срывы и др. (А. Петровский, М. Ярошевский). Среди конфликтов неадекватной самооценки выделяют конфликты между завышенной самооценкой и стремлением реально оценивать свои возможности (Т. Юферова), между заниженной самооценкой и осознанием объективных достижений человека, а также между стремлением повысить притязания, чтобы одержать максимальный успех, и понизить притязания, чтобы избежать неудачи. Кроме того, выделяют невротический конфликт. Он является результатом длительно сохраняющегося «простого» внутриличностного конфликта.

Внутренний конфликт показывает на то, что очень сильно внутреннее противоречие. Это выражается в том, что возникают фрустрирующие эмоции или фрустрационные эмоции, как их называет Е. П. Ильин в своей книге «Эмоции и чувства». Частые фрустрации у детей невротизируют их, развивают у них агрессивность как личностное свойство, чувство вины, неуверенность, приводят к изоляции и эгоцентризму, озлобленности.

К фрустрационным эмоциям относят следующие: обида, разочарование, досада, гнев.

Обида как эмоциональная реакция на несправедливое отношение к себе появляется тогда, когда задевается чувство собственного достоинства человека, когда человек осознает, что его незаслуженно унижают. Это бывает в случае оскорбления, обмана человека, неоправданных обвинений и упреков в его адрес. Обида может оставаться затаенной и либо постепенно проходит, либо приводит к разработке плана мести обидчику. Нередко обида переживается остро, в виде гнева, и ведет к агрессивным действиям.

Разочарование. Если ожидавшееся или обещанное событие не сбывается, то появляется неудовлетворенность, неудовольствие, которое называют разочарованием.

Досада – это раздражение, недовольство вследствие собственной неудачи или неудачи близкого человека, любимой спортивной команды и т. п. Это сожаление часто с примесью злости на обстоятельства, человека, которые помешали достижению задуманного. Злость при досаде часто выражается («разряжается») с помощью «крепких» выражений, в том числе и мата.

Понятие «гнев» синонимично понятиям «негодование», «возмущение», «злость». По Э. Шострому, негодование – это блокированная или неполная, а также лживая эмоция. Он считает, что негодование ненатурально и сдвинуто выражает страх. Многие из нас (так называемые «манипуляторы») выражают гнев, хотя на самом деле чувствуют обиду и боль. Это происходит, т. к. гнев более предсказуемая эмоция.

3. Опросник уровня агрессивности Басса – Дарки. Он предназначен для выявления уровня агрессивности респондентов.

Различные авторы в своих исследованиях, монографиях по-разному определяют агрессию и агрессивность. В данной статье агрессия трактуется через фрустрационную теорию, которая гласит, что агрессия является результатом блокирования или фрустрирования усилий человека, направленных на достижение цели.

Создавая свой опросник, дифференцирующий проявления агрессии и враждебности, А. Басс и А. Дарки выделили следующие виды реакций:

1. Физическая агрессия – использование физической силы против другого лица.

2. Косвенная – агрессия, окольным путем направленная на другое лицо или ни на кого не направленная.

3. Раздражение – готовность к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении (вспыльчивость, грубость).

4. Негативизм – оппозиционная манера в поведении от пассивного сопротивления до активной борьбы против установившихся обычаев и законов.

5. Обида – зависть и ненависть к окружающим за действительные и вымышленные действия.

6. Подозрительность – в диапазоне от недоверия и осторожности по отношению к людям до убеждения в том, что другие люди планируют и приносят вред.

7. Вербальная агрессия – выражение негативных чувств как через форму (крик, визг), так и через содержание словесных ответов (проклятия, угрозы).

8. Чувство вины – выражает возможное убеждение субъекта в том, что он является плохим человеком, что поступает зло, а также ощущаемые им угрызения совести.

Физическая агрессия, раздражение и вербальная агрессия вместе образуют суммарный индекс агрессии, а обида и подозрительность – индекс враждебности. Если сумма баллов по отдельным видам реакций испытуемого превышает номинал, то это говорит о чрезмерном развитии форм агрессивности, затрудняющем сотрудничество/взаимодействие, сознательную кооперацию, а также провоцирующем конфликтность.

Известно, что каждая личность должна обладать определенной степенью враждебности и агрессивности.

У испытуемого диагностированы следующие результаты: индекс агрессии – повышенный; индекс враждебности – очень высокий уровень; по шкалам преобладают обида и подозрительность.

1. Обида – зависть и ненависть к окружающим, обусловленные чувством горечи, гнева на весь мир за действительные или вымышленные (мнимые) страдания.

2. Подозрительность – недоверие и осторожность по отношению к людям, основанная на убеждении, что окружающие намерены причинить вред.

Это ведет к ресентименту – злобной ненависти ко всему, что не достигнуто, к психологической травме.

В ходе клинической беседы выяснилось, что у ребенка была сформирована установка на негативное отношение к школе, готовность субъекта к восприятию будущих событий и действиям в определенном направлении. Эта неосознаваемая готовность. Пример того, как решающую роль социализатора играет культура в социализации подростков, и дети сами себя социализируют. У школьника сформировался культурный сценарий поведения в школе, который написан какой-то подростковой субкультурой, где решающую роль играл старшеклассник. И у него сформировалась установка (установка играет роль диспозиционного регулятора), он пришел в школу в диспозиции отторжения школы. Сегодня это выражается в нежелании учиться.

Ребенок является жертвой психологического программирования на негативное отношение к школе. Пришел в школу со сценарием ненависти к школе, в состоянии страха.

Запугивание стало механизмом культурного виктимогенеза. Культурный виктимогенез представляет собой психологический механизм развития виктимного типа личности, виктимного сознания, виктимного типа межличностного общения и виктимогенности межличностных отношений.

В культурном виктимогенезе главное, что передается, это сценарий и роль. Сценарий – это угрозы. Подтверждает тест Филлипса – боится выходить к доске (страх публичной проверки знаний) – следствие запугивания.

Взял на себя роль запуганного изгоя. В данном случае необходимо перестраивать сценарий и роль.

Настроен враждебно, значит, готовится к отражению атаки. Враждебность выступает в качестве защитного механизма. Поэтому в школе никакой аттракции не будет, всегда конфронтация.

Культурный виктимогенез привел к тому, что у него сформировался сценарий, т. е. программа действий отказа от уроков и роль изгоя.

Кроме того, что он жертва психологического программирования на негативное отношение к школе, существует еще фактор семейных отношений, а именно, межличностная патология семейных отношений. Она заключается в том, что родители находятся в разводе, отец живет отдельно, мальчик приезжает к нему периодически. Живет с мамой и бабушкой. У мамы другой мужчина – из страны ближнего зарубежья, у которого неприязненные отношения с дядей мальчика, т. е. есть очень много факторов, которые провоцируют его агрессивность. Происходит постоянная сильная эмоциональная травматизация. Корень проблемы этого мальчика – это очень глубокие эмоциональные травмы.

Следующий фактор, который необходимо учитывать, это то, что, помимо прочего, мальчик страдает сахарным диабетом. А на основе диабета формируется нестабильность эмоциональной сферы. Эту его уязвимость используют для манипуляции. Начинают эксплуатировать эту нестабильность. Это приведет к формированию виктимности, которая скажется на всей его жизни.

Таким образом, это навязанное негативное отношение к школе, подкрепленное межличностной патологией семейных отношений, а также соматическая проблема с сахарным диабетом, сформировали тип тревожно-дистанцирующегося агрессивного подростка.

При переходе из начальной школы в среднюю возникнет проблема адаптации, которая повлечет рост агрессивности, увеличится риск срыва, ухода из образовательного пространства.

Собрав и проанализировав полученный материал (результаты диагностики и терапевтические беседы), нами был составлен психологический профиль мальчика. Согласно транстеоретической модели виктимности профессора Руденского, выделяют шесть субъектных типов функционирования виктимности социального актора.

Первый субъектный тип виктимности социального актора – это виктим, т. е. человек, получившей в своем развитии нарушение функционально-регулятивных систем психики как социально-психологических действий, по концепции теории психического действия П. Жанэ. Нарушение, которое сформировало уязвимость его психики перед лицом критических жизненных ситуаций, определило межличностную зависимость как фундамент для социально-психологической манипуляции и социально-психологической эксплуатации виктимом.

Второй тип функционирования виктимности социального актора – «виктимность в действии» – это виктиман («человек-жертва»), для которого прак-

тически вся его жизнь – это страдание от деструктивных межличностных отношений, а именно, от абьюза, неглекта и газлайтинга.

Третий тип – это виктимопат как человек, переживший виктимизацию и виктимогенез, стал жертвой неоднократных актов насилия и агрессии в отношении себя, а иногда, и хронического акта ревиктимизации в разнообразных ситуациях межличностной патологии отношений, что привело его к ресентименту и злобной, завистливой ненависти к межличностным отношениям, межличностной зависимости.

Эти три типа субъектной виктимности социального актора образуют «виктимологический уровень функциональной патологии социального актора», но есть еще три типа субъектной виктимности, которые образуют «драматический уровень функциональной патологии социального актора». Они идентифицируются как драмафоб, драмафил, драмапат.

Драмафоб характеризует социального актора, имеющего виктимность, но избегающего драматических конфронтаций, драматизма социально-психологического действия, не вступающего в драматические треугольники отношений.

Драмапат – это социальный актор, для которого драматическое социально-психологическое действие становится типом патологического девиантного поведения и схож с истерическим расстройством личности.

Драмафил – это социальный актор с виктимностью, компенсирующий свою социально-функциональную уязвимость за счет активного вовлечения в драматическое социально-психологическое действие, обостряя конфликтность межличностных отношений и выходя в режим абьюзинга.

На наш взгляд, у мальчика есть черты драмапата и драмафила.

При драмапатии внутренний конфликт требует выхода, формирует драму души, драму сознания. Драму отношений формирует внешний конфликт, который является продолжением внутреннего конфликта.

Драмапаты – это виктимы, которые рассматривают для себя драматизацию отношений как способ компенсации внутреннего конфликта.

Драмапатия – это патологическое желание драматизировать отношения путем захвата инициативы в этих отношениях. Тем самым компенсируют чувство неполноценности.

Драмафил – любит драматизировать. Его конфликт носит характер очень мощного когнитивного диссонанса – то, что он видит, не всегда согласуется с тем, что он думает по этому поводу, поэтому он ждет вот эти инциденты, чтобы получить подтверждение.

Полученный профиль можно использовать в качестве ориентира в своей дальнейшей работе с данным клиентом.

Можно выделить следующие направления работы:

1. Исцеляющие отношения на первом месте в работе с детьми. Отношения доверия, поддержки, понимания, открытости. Очень часто именно эта часть интервенции позволяет человеку что-то про себя узнать и что-то с собой сделать. Для того чтобы поменять эмоциональное отношение к чему-то,

поменять привычные паттерны, необходим определенный корректирующий опыт отношений (новых отношений). Новый опыт, которого у человека не было раньше. В этом смысле терапевтические, исцеляющие отношения предоставляют такую возможность.

2. Основное внимание – на формирование эмоциональной стабильности за счет изменения установки к школе. Рассматривать школу не как источник неприятностей, а провести своего рода рефрейминг, чтобы разрушить старую установку, заменив ее новой.

3. Подготовка к школе должна носить характер формирования конструктивно-деятельностной установки. Рассматривать обучение как борьбу со своими ограничениями через действия. Субъектная виктимность – патология деятельности. Ребенок должен быть настроен на выполнение учебных действий, должен преодолевать свои ограничения, нежелание. Поэтому нужно развивать волевую самоорганизацию и самомотивацию, обучать учебным действиям – формировать функциональную грамотность.

Список источников

1. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2002. – 752 с.
2. Люшер М. Цветовой тест Люшера = The Lusher Color Test. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2007. – 190 с.
3. Руденский Е. В. Культурный виктимогенез личности: клинико-виктимологическая концепция развития виктимности ментализации подростка // Смалья. – 2022. – № 3. – С. 17–30.
4. Руденский Е. В. Субъектная виктимность как культурная патология личности: концептуализация проблемного поля клинической социально-психологической виктимологии: монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2024. – 121 с.
5. Руденский Е. В. Транстеоретическая модель виктимности: концепция супервизии клинических социальных психологов-виктимологов и клинических драм-социатров-виктимологов // Практика психологии и теории психотерапии в современной культуре: сборник материалов Всероссийского форума специалистов помогающих профессий с международным участием (г. Новосибирск, 15–20 ноября 2023 г.). – Новосибирск: Манускрипт-СИАМ, 2024. – С. 54–66.
6. Интерперсональная теория в психиатрии = The Interpersonal Theory of Psychiatry / Г. С. Салливан. – М.: КСП+; СПб.: Ювента, 1999. – 347 с.
7. Исследование затруднений учащихся в образовательном процессе. Диагностические материалы. – СПб.: ГБОУ школа-интернат № 9, 2015. – Вып. 4. – 79 с.

Информация об авторе

Сергей Викторович Илларионов, магистр психологии, магистр психолого-педагогического образования, старший научный сотрудник, Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского, Новосибирск.

Поступила: 23.04.2025

Одобрена после рецензирования: 18.08.2025

Принята к публикации 30.10.2025

Общие сведения по оформлению материалов

Редакция журнала обращает внимание авторов на правила оформления и требования к материалам. К рассмотрению (рецензированию) допускаются только полностью соответствующие требованиям материалы для статей.

1) Материалы для публикации необходимо оформлять в соответствии с российскими и международными профессиональными требованиями к научной статье:

Формат текста: Microsoft Word (*.doc, *.docx). Допускается архивация с помощью RAR или ZIP;

Формат страницы: А4 (210x297 мм);

Ориентация: книжная (альбомная ориентация запрещена!);

Поля: 2 см (верхнее, нижнее, левое, правое)

Шрифт: Times New Roman, размер (кегель) – 14

Абзацный отступ (красная строка): 1,25

Межстрочный интервал: 1,25

Объем статьи: 5–25 стр. (до 40000 знаков, 1 печатный лист)

Переносы и номера страниц не ставятся.

Таблицы, рисунки и графики имеют сквозную нумерацию и названия, вставляются как внедренные объекты и входят в общий объем публикации.

Содержание статьи должно быть проверено автором на отсутствие грамматических, стилистических и других ошибок и быть оформлено в международном научном стиле.

Название файла должно соответствовать фамилии и инициалам первого автора (напр.: Иванов И.И. или Ivanov I.I.).

2) Публикуемые к статье сведения на русском языке.

– УДК

– Фамилия, имя, отчество автора/авторов (полностью)

– адресные сведения об авторе без сокращений и аббревиатур: место работы (учебное заведение или организация), город, страна

– название статьи

– аннотация статьи

– ключевые слова

– пристатейный список литературы

Если авторов несколько, информация о них представляется поочередно.

Шрифт жирный, размер шрифта – 14, выравнивание текста по центру.

Структура оформления статьи:

– название статьи

– аннотация: 450–1500 знаков (50–200 слов); структурированная развернутая аннотация сохраняет структуру статьи и содержит компоненты:

– ключевые слова: 5–10 слов, размер шрифта – 12;

– проблема и цель исследования;

– методология (материалы и методы);

- результаты исследования;
- заключение (выводы в соответствии с целью статьи, вклад автора).

Аббревиатуры должны быть расшифрованы. Не допускается в аннотации цитирование и ссылки на другие работы. Размер шрифта – 12.

3) Текст статьи: содержание и структура.

Содержание научно-исследовательской статьи формируется с соблюдением нижеописанной структуры и должно представлять интерес для читателей журнала:

- *Постановка проблемы*, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме

- *Методология* (материалы и методы)

- *Результаты исследования*, обсуждение

- *Заключение* (выводы в соответствии с целью статьи, вклад автора)

В статьях аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов после пристатейного списка литературы размещается информация о научном руководителе:

- ФИО (полностью);

- ученая степень;

- ученое звание;

- занимаемая должность;

- место работы (кафедра, факультет, учебное заведение или организация);

- город;

- страна;

- e-mail;

- ORCID (желательно).

4) Пристатейный список литературы (на русском языке).

Содержит не менее 10 научно-исследовательских источников (для теоретических обзоров – не менее 30 источников), в т. ч. не менее 30 %, опубликованных за последние 3–5 лет в научных изданиях, индексируемых в базах данных РИНЦ, SKOPUS.

Оформляется согласно ГОСТ 7.0.5-2008 (Общие требования см. <http://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=173511>). Все источники по возможности должны иметь DOI или URL-адрес национального архива (электронные ссылки в пристатейном списке литературы должны быть активны). За достоверность представляемых библиографических данных ответственность несут авторы вплоть до отказа в праве на публикацию.

Библиографические ссылки в тексте указываются в квадратных скобках, содержат порядковый номер в списке литературы и страницы цитируемой работы (в случае цитирования), например, «Текст цитаты...» [3, с. 32]. Использование подстрочных ссылок не допускается.

Списки литературы признают идеи других авторов и помогают избежать обвинения в плагиате; позволяют читателям найти источники материалов, на которые ссылается автор; демонстрируют масштаб исследований автора (через возможное, не более 25%, цитирование своих публикаций).

5) Сведения об авторах подаются адресные и полные (без сокращений и аббревиатур).

Адресные сведения об авторе – размещаются в авторском резюме:

- инициалы и фамилия;
- ученая степень;
- ученое звание;
- место работы (кафедра, факультет, учебное заведение или организация);
- место работы по проекту (при наличии);
- занимаемая должность (для студентов / магистрантов / аспирантов – курс, направление обучения, факультет, учебное заведение);
- город;
- страна;
- e-mail;
- ORCID (желательно).

Адресные сведения об авторе передаются в базы цитирования в сопровождение к тексту статьи, поэтому важна правильная и полная подача адресных сведений авторов и принадлежность к организации. При необходимости автором указывается и основное место работы, и место работы по проекту, и место учебы (для студентов, магистрантов, аспирантов).

Отсутствие адресных сведений автора в полном объеме, а также отсутствие унифицированного написания наименований российских организаций (НИИ, вузов и др.) на английском языке, вольное их написание, применение сокращений и аббревиатур не позволяет корректно создавать профили авторов и организаций в базах цитирования.

Полные сведения об авторе – размещаются на отдельной (последней) странице и не входят в общий объем статьи:

- фамилия, имя, отчество (на русском языке);
- ученая степень, ученое звание (на русском языке);
- занимаемая должность (на русском языке);
- место работы: кафедра, факультет, учебное заведение или организация с указанием адреса организации без сокращений и аббревиатур (на русском языке);
- место учебы (для студентов / магистрантов / аспирантов) – курс, направление обучения, факультет, учебное заведение (на русском языке);
- почтовый адрес с указанием страны и индекса;
- e-mail;
- контактный телефон.

Полные сведения об авторе используются для создания базы данных статей на сайте журнала для внутреннего пользования и администрирования, являются конфиденциальной информацией и применяются в соответствии с законодательством об использовании персональных данных.